

А. К. АМБРОЗ

ПРОБЛЕМЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ХРОНОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. II *

Памятники IV—VII вв. на Оке, в Приуралье и степях описываются здесь кратко, только с одной корреляционной таблицей по Бирску, чтобы уделить больше места VIII в. Восточной Европы, Сибири и Согда. Перечень ведущих вещей и номеров могил позволяет читателю проверить излагаемое и без корреляционных таблиц. Финно-угорские древности отличаются обилием могил VI в., плохо представленных раскопками на юге.

Место мазунинской и азелинской культур в общей хронологии долго не удавалось определить из-за их большого своеобразия. Это стало возможным после разделения мазунинских могильников¹ на пять этапов по эволюции местных фибул и поясов. Первый этап, выделенный предварительно (погр. № 37 в Мазунино, обычное по обряду, но с невыразительными вещами), датируется обломком причерноморской фибулы второй половины II и III вв. (по А. А. Спицыну и В. Ф. Генингу, такие фибулы есть и в позднепьяноборских памятниках). Инвентарь II этапа уже сложившийся: поясные бляшки без привесок, маленькие височные подвески (рис. 9, 2—5, 10; Мазунино, погр. № 13, 17, 31, 47; Наргында I, погр. № 9; Сайгатка, погр. № 14, 18); датируют позднесарматские фибулы с завитком IV в.² Тогда три последующих этапа придется соответственно на V, VI, VII вв. Это хорошо подтверждается аналогиями (см. ниже). III этап: небольшие местные фибулы с завитком, бляшки с кольцом, пряжки типа тураевских (рис. 9, 6—9, 11, 49; Мазунино, погр. № 24, 40, 50; Ижевск, погр. № 2, 4; Сайгатка погр. № 26, 32) — V в.; IV этап: большие фибулы «бабочковидного» варианта, бляшки с усложненными фасетками, образующими ромбическое поле в центре, пластинчатые подвески (рис. 9, 9, 22, 23, 26; Мазунино, погр. № 14, 15; Ижевск, погр. № 1, 5, 8) — VI в.; V этап: очень большие фибулы с чертами вычурности, пояса и обувные пряжки позднеазелинского типа (рис. 9, 39, 55—59, 68; Мазунино, погр. № 63; Ижевск, погр. № 16, 22, 24; Сайгатка, погр. № 7, 15; Быргында, погр. № 5) — VII в.

Азелинская культура³ делится пока на два этапа: 1) пряжки с длин-

* Первая часть работы опубликована в СА, 1971, 2. Нумерация рисунков и таблиц сплошная: в I части помещены рис. 1—8 и табл. I—II.

¹ Памятники мазунинской культуры. ВАУ, 7, Ижевск, 1967 (Мазунино, Ижевск, Быргында); В. Е. Стоянов. Сайгатский могильник на Средней Каме. ВАУ, 4. Свердловск, 1962; Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына, 1898 г. Л., 1933, табл. IX, 17, 20; X, 11 (Ныргында I); коллекция Ижевского и Кировского музеев.

² А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э.—IV в. н. э. САИ, 41—30. М., 1966, стр. 46 (варианты 8, 9), табл. 5, 19—23; 19, 3.

³ В. Ф. Генинг. Азелинская культура. ВАУ, 5. Ижевск, 1963. (Суворово и Азелино); А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Тр. Марийской АЭ, 2. Йошкар-Ола, 1962 (Мари-Луговая); Е. И. Горюнова. Мари-Луговской могильник и селище. ПИДО, 1934, 9—10.

ной прямоугольной обоймой, обувные пряжки с кольцом круглого сечения, витые перстни, одна грубая пряжка с тремя заклепками на круглой обойме и характерным утолщением язычка к «острию» (рис. 9, 25, 27, 29 и как 31: Суворово, погр. № 10, 19, 20; Мари-Луговая, погр. № 17 и, по-видимому, 12) — по сравнению с III этапом окско-сурских древностей ориентировано VI в. (может быть, и позже?); 2) пряжки с прямоугольным сечением колец, часто В-образные, с «губами» или с выемкой для конца иглы (два последних признака появились на юге с VII в.), обоймы и наконечники с сильно вогнутыми боками (рис. 9, 50, 55—58, 60, 61, 77, 88, 90, 95, 97; Азелино, погр. № 1, 2, 11, 15; Суворово, погр. № 1, 5, 14, 15 и др.) — VII в. Дату II этапа подтверждают костяная подпружная пряжка с длинной прорезью типа алтайских и высокие полые подвески — «уточки» (как на рис. 9, 74).

Бахмутинская культура в Башкирии⁴, имеющая много южных аналогий, делится на пять этапов (табл. III): 1) лишенные обоймы утолщенные пряжки с коротким хоботковым язычком IV в. (Бирск, погр. № 6, 47, 48, 72); 2) аналогичные пряжки, но с небольшой треугольной обоймой (рис. 9, 12, 96 и подобно рис. 9, 20—21; Бирск, погр. № 12, 14, 35, 55, 60, 70) — синхронно Тураевским курганам — V в.; 3) такие же пряжки с очень вытянутой обоймой, иногда вычурной формы; пряжки с длинным, сильно выступающим за кольцо язычком (на юге появились в V в.) иногда сrudimentами звериной головки (в виде поперечного желобка); грубые заостренные язычки ремней и очень большие прямоугольные язычки из согнутой пополам пластинки; большие хоботковые пряжки с прямоугольной обоймой (рис. 9, 32—36, 38, 96; Бирск, погр. № 19, 29, 38, 40, 95, 126, 133, 193) — VI в. (по промежуточному положению между вторым и четвертым этапами); 4) обтянутые золоченой серебряной фольгой с красными вставками полые пряжки и короткие тисненые язычки, В-образные и часть цельновыгнутых широких полых пряжек, в одном случае типичный длинный коробчатый язычок с желобчатой окантовкой отверстия, местные тонкие двупластинчатые фибулы варианта II-в, удила с концами в виде трилистника и «стремевидными» подвесными петлями, сменившие удила с кольчатыми концами (рис. 9, 62—64, 66, 73—75, 82, 86, 87, 96, 98; 10, 5, 10—12, 16—19; Бирск, погр. № 2, 5, 25, 27, 39, 59, 61, 77, 78, 83, 85, 88, 89, 108, 111—113, 116, 117, 121, 123—125, 128, 130, 139, 148, 156, 186, 189, 192, 197 и др.) — все характерно для VII в. Традиции II—III периодов представлены в VII в. сильно изменившимися хоботковыми пряжками и широкими прямоугольными язычками со сплошным рядом крупных заклепок по верхнему краю (рис. 9, 62, 63, 64, 98 и др.).⁵ К концу IV этапа появились пряжки с признаками «вычурного» стиля конца VII в. (Бирск, погр. № 158 и 165). По сообщению Н. А. Мажитова, непосредственно за IV этапом следуют обнаруженные им памятники с геральдическими поясами IV группы (первой половины VIII в., синхронными Неволину, Кудыргэ и т. п.). Ново-Турбаслинские курганы — VII в., а курган № 26, вероятно, не ранее VIII в.

Тураевские курганы (рис. 9, 13—15, 19, 20)⁶ содержат набор форм V в., но явно уже доживающий и трансформированный в VI в. Поэтому наряду с узкими длинными язычками и пряжками V в. в них есть ранние узкие массивные В-образные пряжки, небольшие прямоугольные язычки и перегородчатые инкрустации позднего стиля. Вероятно, это конец V и первая половина VI в. По вещественным аналогиям Тураеву синхронны бога-

⁴ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968 (Бирск, Карагамак); материалы в фондах Башкирского ФАН СССР и музее Башкирии; о турбаслинской культуре: Н. А. Мажитов. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959.

⁵ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, табл. 5, 12, 14—18.

⁶ В. Ф. Генинг. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье. ВАУ, 2. Свердловск, 1962; материалы в кабинете археологии Казанского университета.

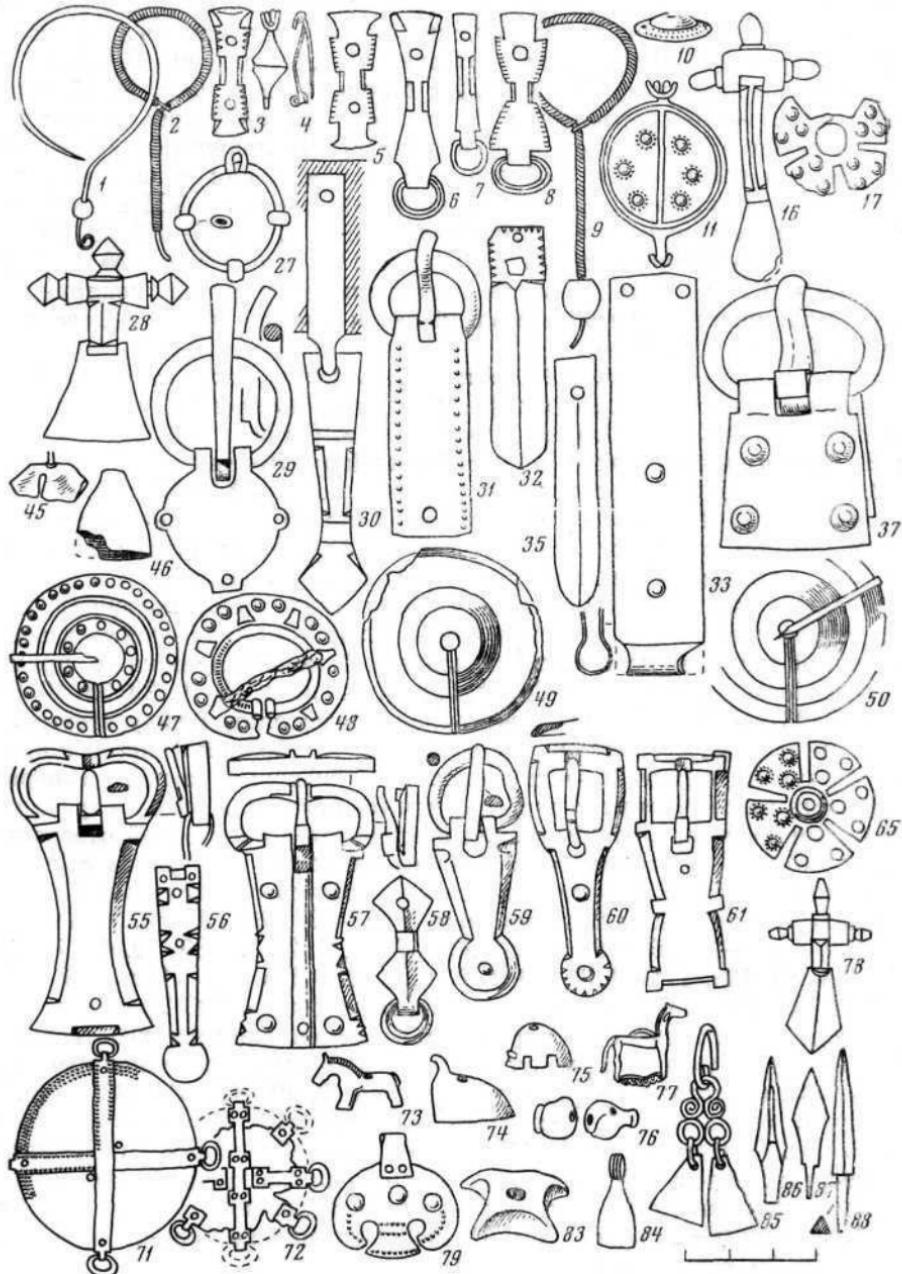
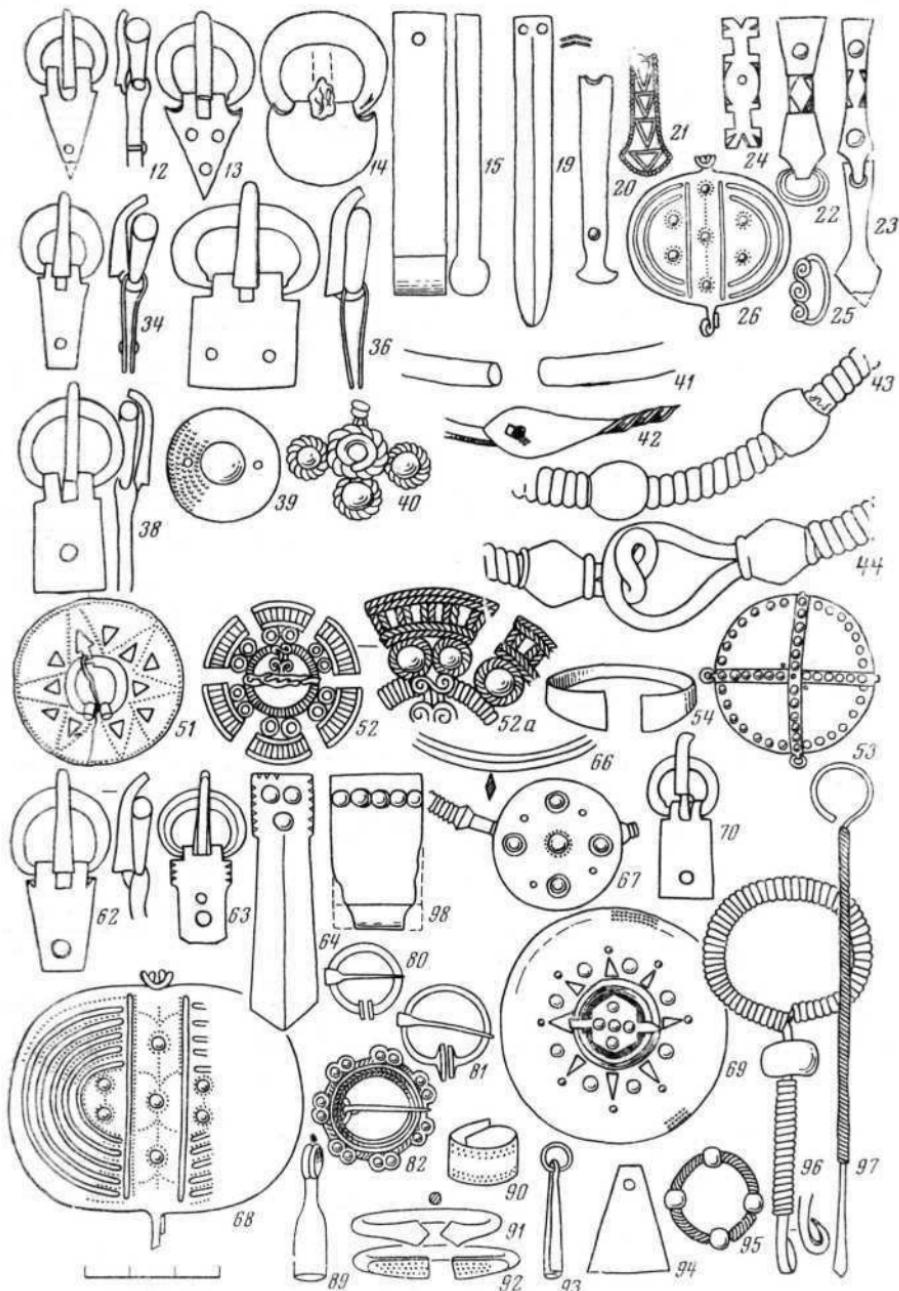

Рис. 9. Культура Оки и Приуралья III—VII вв.

1 — II—III вв.; 2—4 — IV в.; 5—8, 10, 11, 16, 17 — V в.; 9 — V и VI вв.; 12—15, 19—21 — вторая половина V — первая половина VI в.; 22—27, 29—41, 43, 45—48, 51—54 — VI в.; 28 — VI и частично VII в.; 42 — V (?) и VI вв.; 44 — VI и VII вв.; 49 — V—VI вв.; 50, 55—95, 97, 98 — VII в.; 96 — VI и VII вв. 1 — Чеганда; 2—5, 9—11, 49, 59 — Мазунино (2, 4, 5, 9, 10 — погр. 47; 3 — п. 36; 11 — п. 50; 49 — п. 62; 59 — п. 63); 6, 8, 22, 23, 26, 39, 68 — Ижевск (23 — погр. 2; 26, 39 — п. 8; 68 — п. 22); 7, 12, 20, 32—36, 38, 62—64, 66, 73—75, 82, 86, 87, 96 — Бирск (7, 12 — п. 55; 32, 33 — п. 137; 34 — п. 133; 35 — п. 75; 36 — п. 21; 38 — п. 95; 62 — п. 117; 63 — п. 113; 64 — п. 89; 66 — п. 125; 73 — п. 130; 74 — п. 128; 75 — п. 25; 82 — п. 148; 86, 87 — п. 77; 98 — п. 5); 13—15, 19 — Тураево; 16, 28, 30, 31, 37, 41—43, 48, 53, 67, 69, 76, 79, 88, 92, 94 — Кузьминское (16 — п. 41; 28 — п. 50; 30 — п. 69; 31 — п. 5; 37 — п. 19; 41 — п. 21; 42 — п. 22; 43, 83 — п. 20; 48 — п. 38; 53 — п. 36; 67, 69 — п. 51; 76 — п. 30; 79 — п. 42; 89 — п. 31; 92 — п. 22); 7, 12, 20, 32—36, 38, 62—64, 66, 73—75,

и. 72; 94 — п. 15); 17, 44, 65, 70, 80, 81, 84, 85, 93 — Борки (17 — п. 102; 44 — п. 91; 65 — п. 58; 70 — п. 106; 80 — п. 25; 81 — п. 14; 85 — п. 66; 93 — п. 44); 21 — Муслюмово; 45, 40, 45—47, 51, 52, 72 — Кошибесово (24 — п. 75; 40 — п. 70; 45 — п. 21; 46 — п. 2; 47 — п. 54; 51 — п. 11; 52 — п. 49; 72 — п. 67); 25, 27, 50, 56, 58, 61, 77, 90, 95, 97 — Суворово (25 —

п. 20; 27 — п. 10; 50, 61, 90, 95 — п. 5; 56, 58 — п. 29; 77 — п. 11; 97 — п. 14); 29 — Мари-Луговая, п. 17; 55, 57, 60, 88 — Азелино (55 — п. 12; 57, 88 — п. 20; 60 — п. 15); 78 — Под-боголюбье, п. 217. Масштаб к рис. 1—3, 5—9, 12—15, 19, 20, 22—24, 29—46, 55—64, 70, 83, 84, 89, 93, 97

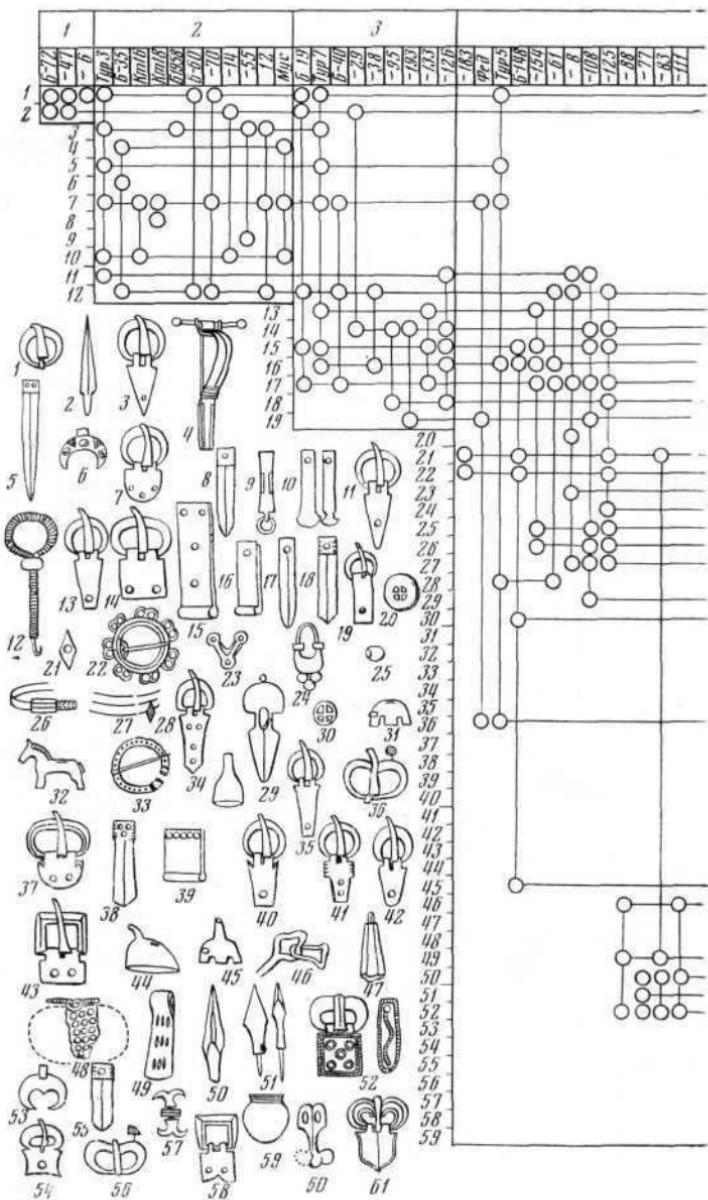
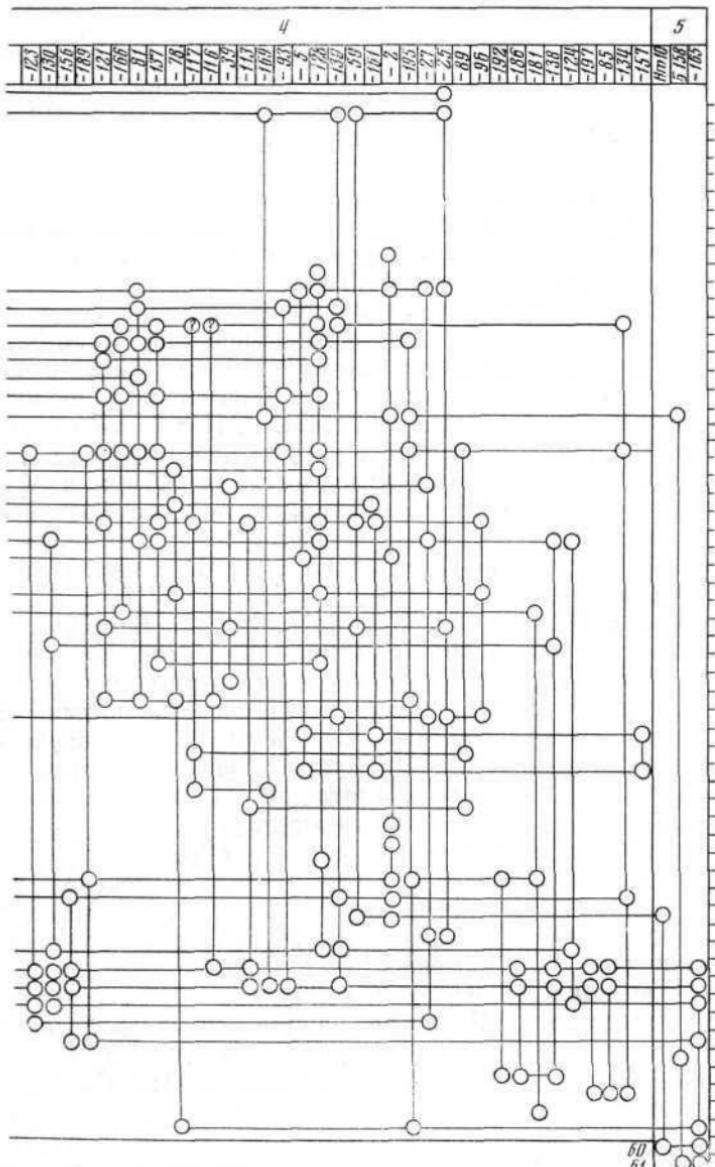

Таблица III. Эволюция могильников Башкирии

Сокращения: Б — Бирск, Тур — Тураево, Кт — Карагамак, Мус — Муслюмово, Фед — Федоровка, НТ — Ново-Турбаслы (по материалам Н. А. Мажитова и В. Ф. Генинга). 1 — простые хоботковые пряжки; 2 — узкие костяные стрелы; 3 — пряжки с треугольной обоймой I варианта (рис. 9, 12, 13); 4 — пронгутые подвязные фибулы с кольцом для оси пружины; 5 — длинные узкие язычки (рис. 9, 19); 6 — узкие лунинцы с инкрустацией; 7 — пряжки с полукруглой обоймой (рис. 9, 14 и как Н. А. Мажитов в. Бахмутинская культура, табл. 5, 7, 8); 8 — укороченные язычки поясов (короче, чем на рис. 9, 19); 9 — подражание мазунинской обкладке III этапа (рис. 9, 7); 10 — язычки типа рис. 9, 20 и 21; 11 — пряжка с треугольной обоймой II варианта (немного продлоговатое, чем на рис. 9, 12); 12 — височные подвески типа рис. 9, 9б;

13 — пряжки типа рис. 9, 34; 14 — пряжки типа рис. 9, 36, 38; 15 — большие прямоугольные язычки (рис. 9, 39); 16 — подобные, но средней величины; 17 — язычки рис. 9, 35; 18 — язычки, рис. 9, 32; 19 — пряжки с удлиненной прямоугольной обоймой; 20 — крупные бляшки с крестовидной прорезью (крупнее № 30); 21 — ромбические бляшки поясов; 22 — колыцевые застежки (рис. 9, 82 и как Н. А. Мажитов. Ук. соч., табл. 8, 10); 23 — V-образные бляшки (Ук. соч., табл. 6, 20, 21); 24 — серьги, рис. 10, 16; 25 — позолоченные бусы; 26 — браслеты со звериными головками (рис. 10, 10 и др.); 27 — грифы ромбического сечения; 28 — пряжки типа: Н. А. Мажитов. Ук. соч., табл. 5, 12; 29 — двупластичные фибулы варианта II-в; 30 — маленькие бляшки с крестовидной прорезью (Ук. соч., табл. 6, 23); 31 — фигурка медведя

тый комплекс из Муслюмова (рис. 9, 21), III этап мазунинской культуры, конец II и начало III этапов Бирска, раннехаринские могилы из раскопок В. Ф. Генинга в Качке. За Тураевом следует богатый комплекс из Федоровки — VI в. За Федоровкой — IV этап Бирска с его набором «архаичных» форм (типа рис. 9, 62, 63 и т. п.) и памятники позднехаринского этапа из Верхнего Прикамья (Харино, Бурково, Качка, могила а)⁷ — VII в. Наиболее близки позднехаринским вещи из бирских могил № 5, 78, 157, 161. Новая дата позднего «Харина» согласуется с тем, что следующий за ним (по периодизации В. Ф. Генинга) неволинский этап начинается в первой половине VIII в. Итак, южные наборные пояса появились в Башкирии в VII в., вытесняя местные формы, развивавшиеся с V в., а в Верхнем Прикамье это произошло лишь в конце VII—VIII вв.⁸

Хронологию подтверждают находки одной детали мазунинского пояса III этапа во II этапе бахмутинской культуры (Бирск, погр. № 55), обломков мазунинских фибул IV этапа в бирских могилах № 25 и 27 (III этап), многочисленных позднеазелинских поясов в мазунинских могилах V этапа, азелинских вещей в раскопках М. Р. Полесских на Суре. Сближает все три культуры и постепенное укрупнение подвесок в виде знака вопроса: в IV в. мазунинские подвески достигали 5,5 см, в V и VI вв.—7,5 см, бахмутинские V—VII вв.—8 см, азелинские VII в.—11 см и более. VI век отмечен появлением пряжек с длинными прямоугольными обоймами (более всего на Суре и Оке). С VII в. везде распространились фигуры животных (рис. 9, 73—75, 77); в VIII в. более развитые образцы обильны в Шарееве,⁹ Неволине, Плесе в Верхокамье, «Архиерейской земле» в Томске и др. Бахмутинская, азелинская и мазунинская культуры — это самостоятельные особые культуры, не покрывающие одна другую. Они развивались в тесной взаимосвязи, но каждая по своим внутренним закономерностям, вплоть до конца VII в. Изученные до сих пор могильники прекратили свое существование примерно во второй половине VII или начале VIII в. Памятники VIII в. (Петропавловск в Удмуртии и Шареево в Башкирии) имеют иной облик, и их соотношение с более ранними нуждается в изучении.

Рязанские могильники изучались П. П. Ефименко.¹⁰ Его деление на этапы не всегда четко, одинаковые вещи считаются характерными для многих этапов, пряжки почти не учитывались. В итоге моя попытка использовать периодизацию П. П. Ефименко для датировки комплексов с местными фибулами окончилась неудачно и показала необходимость разработки новой периодизации. Несмотря на это, его периодизация сохраняет свое значение как первый у нас опыт датировки методом относительной хронологии. Реконструированная П. П. Ефименко «ранняя пора» Кошибеенского могильника (его рис. 6) после открытия В. Ф. Генингом азелинской культуры оказалась смешением вещей II—VII вв. и пьяноборских. Достоверно ранние (не позднее II—III вв.) материалы Андреевского кургана¹¹ здесь не рассматриваются. Опубликованные материалы IV—V вв. скучны. Ярче

⁷ В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. ТСА РАНИОН, IV, М., 1929, рис. 54—62; ОАК за 1895, рис. 181—189; А. В. Schmidt, Кацка, ESA, 1, Helsinki, 1927, рис. 3, 5, 6, 31 (Муслюмово, Качка, могила а); В. Ф. Генинг. Памятники харинского времени в Прикамье. КСИИМК, 57, 1955; его же. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. ФАН СССР. Сер. гуман. н., 2. Казань, 1959, стр. 189, табл. V (Бурково); ОАК за 1900 г., рис. 160, 161; В. Ф. Генинг. Могильник Качка. Отчеты Камской (Боткинской) АЭ, 1. М., 1959.

⁸ «Позднехаринский» пояс был в могиле № 80 Поломского могильника — первой половине VIII в.: В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 94—97, рис. 39—41.

⁹ Г. И. Матвеева. Шареевский могильник. Из истории Башкирии. Уфа, 1968.

¹⁰ П. П. Ефименко. Рязанские могильники. МЭ, III—1. Л., 1926; его же. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э. СА, II, 1937.

¹¹ П. Д. Степанов. Южные связи племен Среднего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, 169, 1969.

культура представляет лишь с VI в.¹² Всего выделено 7 этапов IV—VIII вв. Первый этап: черняховские фибулы IV в., простые хоботковые пряжки, остальное маловыразительно (Кошибеево, погр. № 11, 19, 89) — IV в. Этап II: крупные фибулы V в., гривны с пробитой петлей, четырехлопастные подвески, простые хоботковые пряжки (рис. 9, 16, 17, 42; Кошибеево, погр. № 79; Борки, погр. № 38; Кузьминское, погр. № 41) — V в. III этап: пряжки с очень длинной прямоугольной обоймой, массивные крестовидные фибулы, различные нагрудные бляхи, в их числе литье ажурные (пестрота форм — показатель того, что формы только складываются); гривны, железные с напущенными бронзовыми бусами, толстопроволочные с прямо срезанными концами и другие; браслеты пластинчатые, украшения обуви, есть бляшки, близкие мазунинским IV этапа (рис. 9, 24, 28—31, 37, 40—48, 51—54; Кошибеево, погр. 12, 49, 69, 75, 81, 87, 97, 108; Борки, погр. № 8, 23, 91; Кузьминское, погр. № 14, 19, 38, 57, 74, «Старшая» Селикса) — VI в., предшествующий могилам с южными вещами VII в. В четвертом этапе инвентарь более однороден, формы сложившиеся, устойчивые, как и их сочетание в комплексах. Звездчатые пятилопастные подвески, нагрудные бляхи с крышкой, гривны с большой крышкой и узкие серповидные, лунницы, круглопроволочные браслеты с расплощенными концами, подвески бутыльчатые, трапециевидные и конические, сюльгамы с насечкой по обоим краям, сюльгамы с выступающими трубочками на концах, пряжки типов VI—VII вв. и южные детали поясов VII в., красные бусы неправильных форм, из оружия — однолезвийные мечи (рис. 9, 65—67, 69—72, 74, 76, 79—81, 83—85, 89, 91—94; Кошибеево, погр. № 37, 70, 96; Борки, погр. № 5, 37, 43, 44, 46, 61, 71, 87, 95; Кузьминское, погр. № 5, 15, 42, 50, 51, 69, 90; Польное-Ялтуново, погр. № 3; более 200 могил в Армиево) — VII в. Пятый этап: упрощенные литье крестовидные фибулы, часть из них превратилась в бляшки с петлей снизу, браслетовидные височные кольца, геральдические пряжки «вычурного стиля», днепровские пальчатые фибулы (рис. 9, 78; Подболотье, погр. № 217; Кузьминское, погр. № 7; Холуй) — конец VII в. Шестой этап: сюльгама с длинными «усами» и намечающимися крыловидными выступами в основании иглы, сильно расширяющийся браслет с расплощенными концами, детали поясов типа неволинских, упрощенные бляхи с крышкой (Кочкино, погр. № 4; Хотимль, погр. № 5; Серпово, погр. № 24, 34, 36) — первая половина VIII в., так как предшествует салтовскому влиянию. Седьмой этап: сюльгамы с «крылатой» иглой, поздние бляхи с крышкой, широкие серповидные гривны, гривны с замком «ладочкой», длинные подвески с грузиком; «салтовские» вещи (бусы, перстни, детали поясов), стремена с прогнутой подножкой, сабли (Серпово, погр. № 14; Перемчалки, погр. № 6; Красный Восток, погр. № 1; Заря, погр. № 1; Крюково-Кужново, погр. № 4) — вторая половина VIII—IX вв.¹³ Для сравнения, выделенные

¹² А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25. СПб., 1901 (Кошибеево, Борки, Кузьминское, Холуй); П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930 (Армиево); А. Е. Алихова. Могильник кошибеевского типа у с. Польное-Ялтуново. КСИИМК, 72, 1958; М. Р. Полесских. Тезиковский могильник. Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1966; е. же. В недрах времен. Пенза, 1956 и публикации: СА, 1959, 4; СА, 1962, 4; СА, 1968, 1. Раскопки М. Р. Полесских на Селикса-Трофимовском могильнике (п. 8, 11, 20) подтверждают синхронность IV окско-сурского этапа с II азелийским, V мазунинским, IV бирским и позднехаринским.

¹³ Комплексы 6—7 этапов: П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанская, 1952 (Крюково-Кужново); А. Е. Алихова. Перемчалкинский могильник. Археологический сборник, 1. Саранск, 1948; е. же. Могильник у колхоза «Красный Восток». КСИИМК XXIX, 1949; А. Е. Алихова, М. Ф. Жиганов, П. Д. Степанов. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959 (Серпово, Кужнедеево, Заря); А. Ф. Дубинин. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли. СА, 1966, 3 (Кочкино); Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, рис. 56, 1—10 (Хотимль).

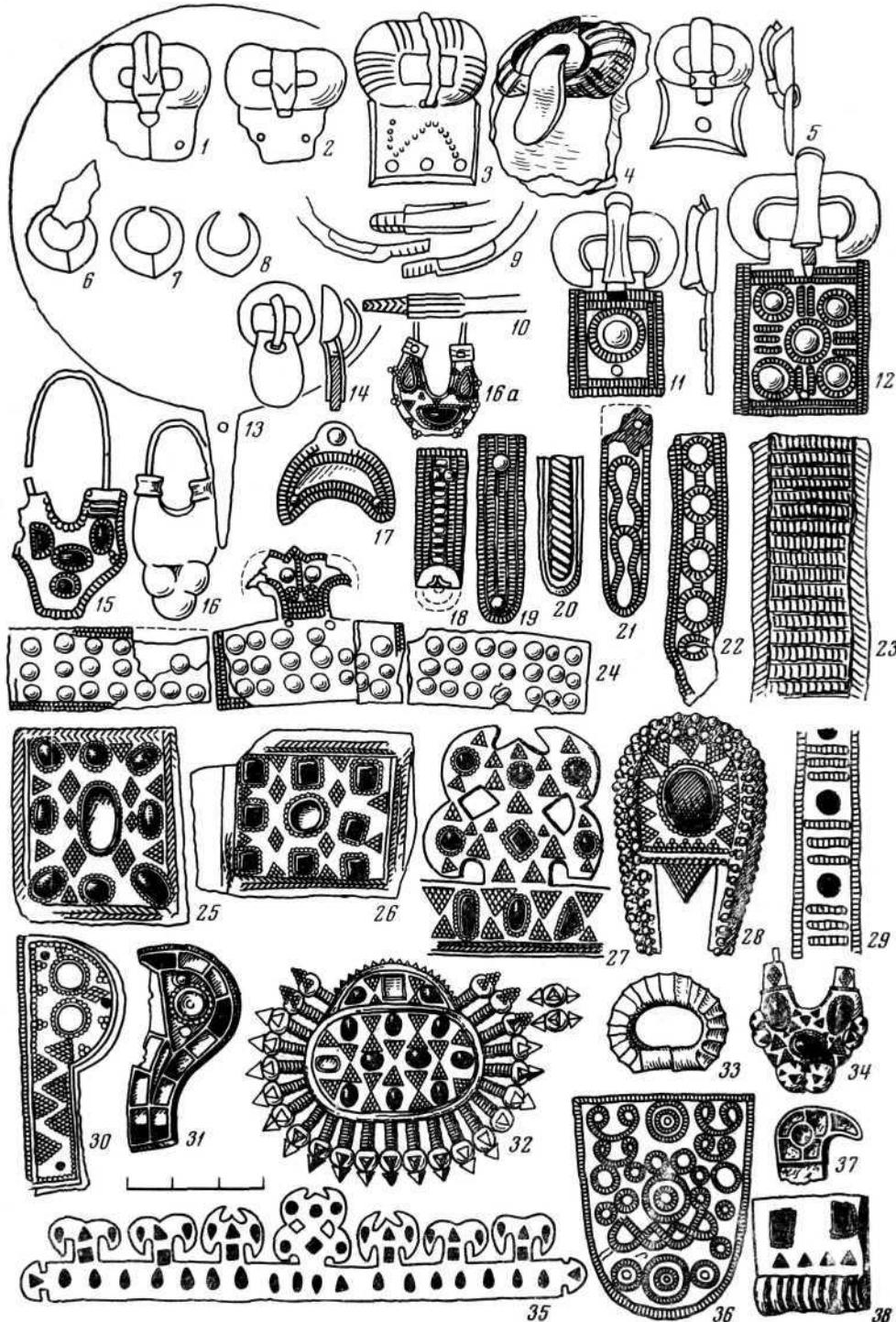

Рис. 10. Древности кочевников VII в.

1—38 — VII в.; 16а — V в. 1, 2, 7 — Верхнепогромное; 3, 4, 6, 9, 13, 14, 20, 22—24 — Шипово (3, 9, 20—24 — курган 3); 5 — курган 2); 5, 8, 10—12, 16—19 — Бирск (5 — погр. 138; 8 — п. 125; 10 — п. 124; 11, 17, 19 — п. 130; 12, 18 — п. 123; 16 — п. 78); 15,

21 — Энгельс, курган 36; 16а — Беляус; 25, 26, 28, 31, 33, 37, 38 — Боровое; 27, 29, 35 — Мелитополь; 30 — Перецепино; 32 — Цюрупинск (Алешки); 34 — Кара-Агач; 36 — Старицкая Игрица. Масштаб к рис. 1—23, 25—31, 33, 34, 35—38

П. П. Ефименко периоды содержат вещи: период А1—2 и 3 этапов; В/В1—1, 2, 3, 4; С/С1—4 (фибула-третьего); D—4, 5, 7 этапов. Выработка характерных типов раннесредневековых металлических украшений рязано-пензенского района происходит в VI в. Подавляющее большинство найденных комплексов «IV—VII вв.» (в том числе огромный Армавирский могильник) относится к VII в.

Кочевнические могилы Восточной Европы с полихромными диадемами и обтянутыми тисненой фольгой вещами, т. е. большинство известных археологам раннесредневековых кочевнических могил, относили к V в. Так, И. П. Засецкой учтено в Поволжье 27 могил «конца IV — первой половины V в.» и лишь пять с характерными поясами «VI—VII вв.»¹⁴. Такое уменьшение населения степей после падения власти гуннов противоречит письменным данным о сложении в восточноевропейских степях сильных кочевых объединений VI—VII вв. И действительно, могилы с вещами, обтянутыми фольгой и с инкрустациями в отдельных гнездах, четко делятся на 3 группы.

I группа кочевнических древностей. Характерны массивные пряжки V в. с длинным хоботковым язычком, узкие длинные тисненые язычки ремней, железные удила с кольцами из цветного металла, крестовидные и ромбические бляхи от узды — стилистически единые от Поволжья до Центральной и Западной Европы (рис. 2, 14—17, 19—22, 29, 30; 11, 1). Это общеизвестные могилы знатных конных воинов эпохи Аттилы, а на территории СССР — и послеаттиловской поры, когда остатки гуннов и союзные с ними кочевники были вынуждены отступить в Причерноморье после крушения их державы на Дунае. Учитывая последнее, датировка этой группы в СССР — весь V век, начиная с его первых десятилетий.

Во II группе¹⁵ (рис. 10, 1—4, 6, 7, 9, 14, 15, 20—24; 11, 3) чешуйчатый узор крупнее и сложнее, тисненые язычки грубее, изменились формы удил, набор уздечных блях, техника исполнения некоторых диадем, есть круглые бляхи со схематическими изображениями лиц, концевые накладки луков иногда резко расширяются у зарубки (вплоть до VII в.— Бирск, Новиковка около Уфы — равномерной ширины, расширение часто у авар с конца VII в.). О дате VII в. говорят полые цельновыгнутые пряжки, иногда обтянутые фольгой (рис. 10, 1—4), большое зеркало с ручкой (рис. 10, 13; аналогии VII в.: Бирск, мог. № 128, 170 и из раскопок В. Ф. Генинга в Кушнаренкове, VIII в. — «Калмацкий Брод» в Свердловске). Орнаменты: «дерюжный» (рис. 10, 18, 19, 23; Шипово, Новогригорьевка, мог. VII, Энгельс, кург. № 17; аналогии VII в. в Бирске — рис. 10, 18, 19), из рельефных полосок (рис. 10, 20; Шипово, мог. № 3; имеют аналогии VII в. и рубежа VII—VIII вв. из Камунты, Бирска и аварских могил).¹⁶ VI—VII веков еще кург. № 18 и 36 около г. Энгельса⁷ и, вероятно (по неполным публикациям), Макартет на Украине.¹⁸

¹⁴ И. П. Засецкая. О хронологии погребений «эпохи переселения племен» Нижнего Поволжья. СА, 1968, 2, стр. 60.

¹⁵ Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. Уч. зап. СГУ, VI, 3. Саратов, 1927, табл. I, 5, 6; V, 41, 42 (Новогригорьевка, могила VII; Энгельс, курган 17); И. П. Засецкая. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья. «Археологический сборник. ГЭ», 10. Л., 1968, рис. 1, 10—14 (Верхне-Погромное); Т. М. Минаева. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo. ESA. IV. Helsinki, 1929.

¹⁶ П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея, табл. VII; N. Fettich. Das Kunstgewerbe der Awarenzeit in Ungarn. Budapest, 1926, табл. VI, 3 (Адонь).

¹⁷ И. В. Синицын. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. Изв. СНВИК, VII. Саратов, 1936, рис. 9—10.

¹⁸ В. Ф. Пешапонов, Д. Я. Телегин. Жертвеннное место алано-гуннского времени в урочище Макартет. Сб. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 231; Л. М. Рутківська. Кочовики та землероби на території степової України. «Археологія», XXII. Київ, 1969, рис. 2, 5 (короткий язычок пояса, «дерюжный» (?) орнамент, ромбические петли удил — VII в.).

Итак, у кочевников VI—VII вв. тоже «доживаются» традиции гуннской эпохи, как в Приуралье, Абхазии или на Западе, и лишь в VII в., особенно его второй половине, у них появляются цельновыгнутые полые пряжки новых форм, а потом и поясные наборы. Кочевнические могилы с наборными геральдическими мужскими поясами: второй половины VI в.—Большой Токмак, VII в.—Иловатка, Бережновка, кург. № 1 и 111, Зиновьевка—на Волге, Белозерка, кург. № 14, Аккермень, памятники перещепинского типа на Украине (Глодосы, Сенжары—уже VIII в.)¹⁹. Кочевникам приписывают также могильники VII в. в Ново-Турбаслы, Уфе и Новиковке в Башкирии. Ко второй половине VII в. относятся богатые женские погребения с роскошными колтами (рис. 8, 9; 11, 3), судя по аналогии декоративных приемов с перещепинскими и по поясному набору. Прототипы нагрудных цепей с медальонами и колтами, вероятно, византийские. Венцы различны по исполнению. Лучшие—из Джигинской близ Темрюка (рис. 8, 9; с христианскими символами на медальонах), Уфы, Муранова, Кайбел. Проще колты из бывшей Кубанской области и Верхне-Курмоярской. Грубые имитации—в Кудыргэ (VIII в.), Одинцовке и Веспрем-Силашбалхаше в Венгрии²⁰. Нередко считают, что инкрустации—признак «IV—V вв.». Однако в VII в. инкрустации вновь распространились чрезвычайно широко (рис. 6, 2, 5, 26—29, 32, 37, 38; 10, 11, 12, 15, 24), а в конце VII—начале VIII в. достигли особой пышности (рис. 5, 39, 70; 6, 9, 30—36, 38; 7, 1; 8, 8, 9; 10, 30, 31; Перещепино, Глодосы, Морской Чулек и др.). Вероятно, это связано с социальным прогрессом, ознаменованным во второй половине VII в. созданием хазарского и болгарского государств.

III группа²¹ отличается инкрустированными украшениями, чрезвычайно обильно, до перегруженности усыпаными зернью (рис. 10, 25—29, 31—37; 11, 2): Боровое, Кара-Агач, Игрень, Цюрупинск (быв. Алешки), Ленинск, Варна в Болгарии и др. Обычно их не выделяют среди комплексов V в., хотя стиль и набор форм в них совсем иные. Характерно стремление к симметрии в размещении инкрустаций (рис. 10, 25—27, 30), обилие среди вставок янтаря и сердолика, часто подбор камней пра-

¹⁹ П. С. Рыков. Позднесарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевки Саратовской губ. Петровск, 1929; И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 110; его же. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, рис. 39, 12, 14; Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского у. Белозерской волости и соседние городища и курганы. Тр. VIII АС, III. СПб., 1897, стр. 126, 127, рис. 45—50; М. И. Вязьмитина, В. А. Іллінська, Е. Ф. Попровская и др. Курганы близ с. Ново-Пилипівка і радгоспу «Аккермень», АП, VIII. Київ, 1960, стр. 129, 130, рис. 73, 4; 74, 5—8; И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. СПб., 1890, стр. 140—142, рис. 166—171; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, рис. на стр. 77 (Морской Чулек у устья Дона); А. Т. Сміленко. Глодоські скарби. Київ, 1965; ее же. Находка 1928 г. у г. Новые Сенжары. Славяне и Русь. М., 1968.

²⁰ Н. П. Кондаков. Русские клады СПб., 1896, стр. 193—203, рис. 104—106, 113, 115—119 (Джигинское, Кубань, Мураново, Кайбели); ОАК за 1891, рис. 84; ОАК за 1905, рис. 134 (Верхне-Курмоярская); Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI—VIII вв. КСИИМК, XL, 1951, рис. 36—39, 1—5; А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ. М.—Л., 1965, табл. IX, 3—4; Х; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956, стр. 109, рис. 18, 3, 4 (Одинцовка); J. Wegener. Zum Stand der Forschung über die archäologische Hinterlassenschaft der Awaren. Beiträge zur Südosteuropa-Forschung. München, 1966, стр. 314, рис. 3, 3 (Веспрем).

²¹ А. А. Козырев. Раскопка кургана в урочище Кара-Агач. ИАК, 16. СПб., 1905; ОАК за 1902, рис. 212, 213 (Верхне-Яблочный и Алешки); В. Ф. Пешанов. Мелитопольская диадема. КСИА, 11. Киев, 1961; И. Ф. Ковалева. Погребение IV в. у с. Старая Игрень. СЛ, 1962, 4 (о Корушане); М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ, 7. Алма-Ата, 1959, стр. 179—182, 193—196, рис. 13—15, 24, 25 (Канатас); И. П. Засецкая. Полихромные изделия (Ленинск, Марфовка, «Феодосия», быв. коллекция П. Строганова, Здвинск и др.); Новочеркасский музей № 3/2144 (пластины с камнями и зернью); J. Wegener. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, табл. 30, 1 (Варна); I. T. Dragomir. Descoperirea hunice la Bălteni. SCIV, 17, 1. Bacău, 1966.

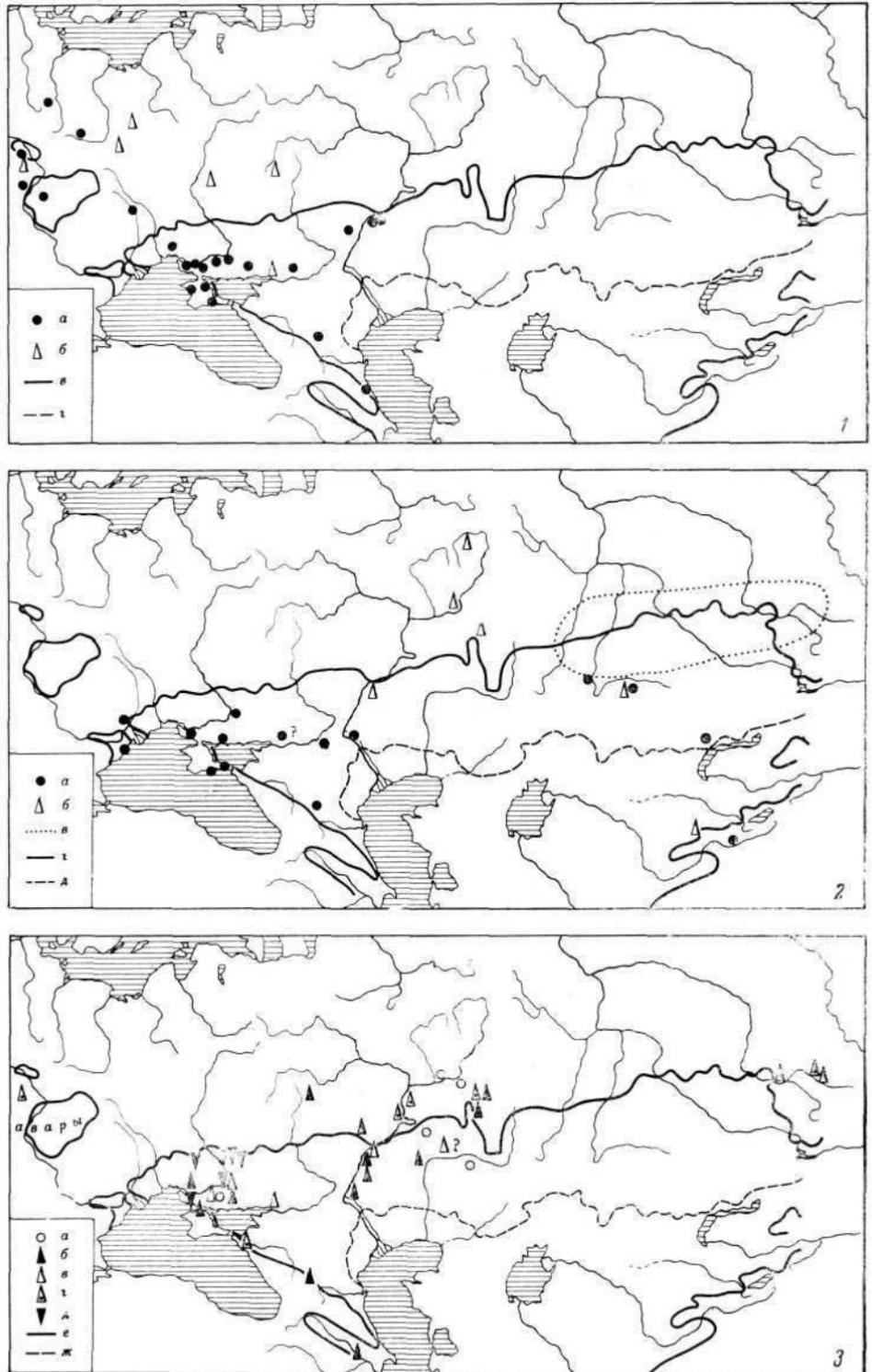
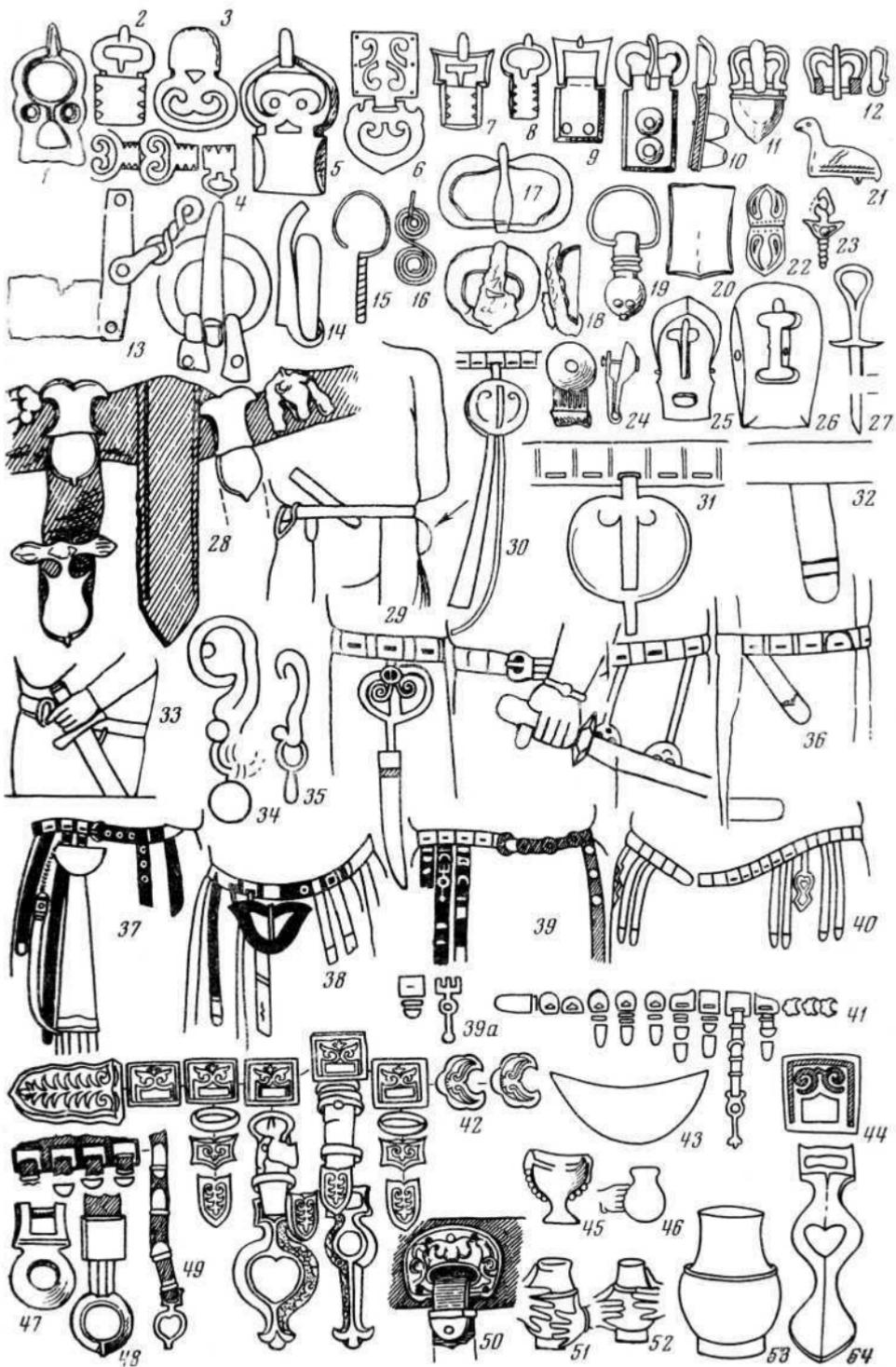

Рис. 11. Памятники кочевников V—VII вв.

I—V в. («I группа»): а — погребения кочевников и случайные находки, б — богатые могилы с двупластичными фибулами, в — границы степи, г — границы пустынь. 2—VII в. («III группа»): а — погребения и случайные находки, б — серьги «харинского» типа (рис. 10, 15, 16, 34), в — район происхождения серег из коллекций Петра I и Витзез-

на, г — границы степи, д — границы пустынь. 3—VII в. («II группа»): а — могилы VI в., б — могилы с элементами наборных поясов VII в., в — могилы VII в. без наборных поясов, г — находки колтолов (рис. 8, 9) и подражаний им, д — могилы перещепинской группы, е — границы степи, ж — границы пустынь

вильной формы (круглых, овальных, удлиненных), зернь покрывает почти все свободное место. Диадемы чаще с выступами сверху, передающими символы древа жизни (а не птиц, как иногда считают): например, рисунок 10, 27 в виде поставленных друг на друга двух «ромбов с крючками»²². Женские диадемы с «деревьями» по краю изготавливались кочевниками с эпохи Новочеркасского клада, в V в. (рис. 2, 29) и в VII в. (рис. 10, 24, Шипово). Мотив дерева с животными есть на «колтах» III группы и, в очень близкой трактовке, в салтовском искусстве VIII—IX вв.²³. Наконец, лилиевидное дерево и ромб с крючками — один из основных мотивов в современной орнаментике женских украшений у туркмен, каракалпаков и др.

Ареал III группы совпадает с областью I группы от Волги до Днепра, но I идет к западу до Венгрии и Польши (а единично — до Франции и Португалии), а III смещается к востоку и особенно часто в Казахстане (рис. 11, 1—2). Это две разные группы населения, с разными художественными традициями, жившие одна от Венгрии до Волги (I) и другая от нижнего Дуная (Балтень и Варна) до Западной Сибири и Казахстана (III). Совпадение основного ареала — против их одновременности. И действительно, серьги из Кара-Агача (рис. 10, 34) не только входят в группу серег VII в. из Бирска и Энгельса (рис. 10, 15, 16), но и зерненные прототипы тех и других, по памятникам позднехаринского типа, относятся к VII в. Серьги V в. совсем другие (рис. 10, 16а). Они ближе к образцам III—IV вв. (Можары и др.). Прототипы VII в. — серьги с гроздью шариков, каждый из которых завершается пирамидкой крупной зерни — найдены на пространстве степного междуречья Иртыша и Оби (7 экземпляров) и от Киргизии (3 пункта)²⁴ до Верхнего Прикамья (Харино, Бурково). Золотые харинские серьги и пластинки пряжек очень близки украшениям III группы: вставки правильной формы, симметрично расположены, фон еще гуще заполнен треугольниками мелкой зерни. Шарики с пирамидками зерни на харинских серьгах и на овальных лучевых подвесках III группы (рис. 10, 32) также одинаковы. В погребении из Борового (рис. 10, 25, 26, 28, 31, 33, 37, 38)²⁵ было Р-

²² А. К. Амброз. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками». СА, 1965, 3, рис. 4, 3, 6—9, 11—15, 18, 19.

²³ И. П. Засецкая. Полихромные изделия, рис. 4, 4, 6; см. М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, 62, 1958, рис. 27 (в центре растение. Ср. растения по краям предмета с выступами диадем).

²⁴ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Талассской долины. Археологические памятники Талассской долины. Фрунзе, 1963, стр. 68, рис. 7, 5; С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. САИ ДЗ-9, М.—Л., 1962, стр. 12, табл. II, 1, 3, XX, 20, 26—29, рис. 2, D, F.

²⁵ А. Н. Бериштам. Найдены у оз. Борового в Казахстане. «Сборник Музея антропологии и этнографии», XIII. Л., 1951.

Рис. 12. Древности южной Сибири и их аналогии.

1—1 в. до н. э.; 2—6, 13, 14—V—VI вв.; 7, 8 — вторая половина VI — первая половина VII в.; 15—18, 24—27, 47, 48 — VII в.; 9—12 — вторая половина VII в.; 19—VII или VIII в. (?); 20—23 — VIII в.; 28, 33—36, 43, 45, 46 — первая половина VIII в.; 29—32 — 732 г. (памятник Кюль-Тегину); 37, 39—42, 49, 53 — вторая половина VIII — первая половина IX в.; 38 — вторая половина IX в. (Ильинутшэри); 44, 54 — вторая половина IX—X вв. 1—5, 7—12 — таштыгские, 13—23 — верхнеобские, 24—27 — берельские, 28—36, 40—53 — так называемые «ранненюркские», 37—39 — уйгурские, 44, 54 — эпохи господства кыргызов в Туве, 29—33, 35, 36, 40, 43, 45, 46, 51, 52 — каменные изваяния (36—40 — развертки), 34, 37—39 — живопись. 1 — Аба-

кан; 2, 3, 5, 9—11 — Изых (2, 3, 5 — склен 2; 9—11 — склен 1); 4 — Уйбат; 6 — Корен; 7, 12 — Сыры, склен 1; 8, 14—23 — Большие Еланы; 13 — Паазырык; 24—27 — Берель; 28 — Таш-Тюбе; 29—32 — Кошо-Цайдам, Монголия (29—31 — одно изваяние); 33, 43 — р. Чадана; 34 — Афрасиаб (всадник на верблюде); 35 — р. Саглы (Мугур); 36, 45 — р. Хам-Дыт; 37, 39 — Сорчук; 38 — Идыкутшэри (оба — Восточный Туркестан); 40 — р. Шеми; 41, 50 — Тузката, 1935 (41 — курган 4; 50 — к. 3); 42 — Курай IV, курган 1; 44, 54 — Шанчиг, курган 19; 46 — Тэгэе («Кезэр»); 47, 48 — Чмы (47 — катакомба XVII, 48 — к. XI); 49 — Монгун-Тайга, 1957 к. XXXVI; 51, 52 — Чанагаш; 53 — Копены, к. 2. Масштаб различен

разное ушко сабли VII в. (рис. 10, 31). Некоторое отличие в деталях выполнения вещей (меньше зерни), возможно, связано с иным назначением: могила мужская, а наиболее яркие комплексы III группы женские. Подобные серьги в виде знака вопроса и удила есть в «переходном этапе» на Верхней Оби — VII в. (см. ниже). Обильная зернь и симметричное размещение инкрустационных вставок правильных форм — черта многих вещей перещепинской группы (язычки поясов типа рис. 6, 22, 23 и арматура сабли) и колтов типа джигинских, хотя и они имеют вполне понятные отличия. Не ранее VII в. прямоугольная серебряная и большая костяная с длинным вырезом пряжки из Канаттаса (последние ранее VII в.—Борисово, Азелино, Берель, Айвазовское, Пензенская обл.,—мне неизвестны). Пояса, обложенные поперечными пластинками (Канаттас), известны в VII в. на Оке (Холуй) и в Приуралье (Буркино; в Поломе даже VIII в.). Чужды V в. широкие язычки со сложной плетенкой (рис. 10, 36), бороздчатые пряжки (рис. 10, 33). Не могут изменить даты и две вещи V в. Марфовское погребение совершено в более раннем склепе, и стеклянный кубок мог быть использован вторично: слишком непохож стиль вещей, всегда сопутствующих таким кубкам. В Ленинске найден кусочек бортика зеркала с орнаментом в стиле V в. Но узорчатые дальневосточные зеркала высоко ценились и даже в Сибири иногда запаздывали на 100—200 лет.

Нет оснований приписывать украшения III группы керченским мастерам: это изделия местных варварских мастерских, обслуживавших знать разных народов. Их появление на Нижнем Дунае (Бэлтень и Варна), возможно, связано с приходом болгар в 670—680 гг. Значительное увеличение кочевнических памятников VII в. по сравнению с V в. согласуется со сведениями византийцев о существовании в наших степях сильных кочевых объединений VI—VII вв. Кочевническая культура V—VII вв. к западу от Урала во многом традиционна и развивалась очень постепенно. Сохранился обычай захоронения в могиле ног и черепа коня, местами обычай трупосожжения, устройство насыпи из камней. Удерживался восточный обычай покрывать оружие и седла, как доказал И. Вернер, чешуйчатой имитацией перьев (есть еще в начале VIII в. на изображениях оружия в Варахше, рис. 14, 40, и крыльев в Восточном Туркестане, также на ножнах послесасанидских мечей с Р-образными ушками из Ирана) и класть в могилы знатных женщин золоченые диадемы с символами древа жизни.

Неизбежно уточнение хронологии сибирских древностей, поскольку они в основном датированы по европейским аналогиям. Считалось, что до V в. существовали культуры таштыкская, шурмакская и др., а в VI—VIII вв. так называемая раннетюркская. Однако по «вычурным» геральдическим пряжкам (рис. 12, 10, 11) уйбатский этап таштыкской культуры²⁶ надо датировать второй половиной VII в. (склеп № 1 в Изыхе и, по Л. Р. Кызласову, еще четыре скелепа). Предшествующий ему сырский этап приходится соответственно на вторую половину VI — первую половину VII в., т. е. эпоху I тюркотского каганата. Судя по одной «вычурной» пряжке (рис. 12, 12), склеп № 1 в Сырых заполнялся в конце сырского этапа и был закрыт в начале уйбатского. Погребенные в нем таштыкцы (часть с погребальными масками) — кыргызы эпохи Тайцзуна. Изыхский этап падает на V — первую половину VI в. Аналогии его наборным поясам с прорезными волютами — в Корее V—VI вв. (рис. 12, 3—6),²⁷ цепочки из скрученных звеньев — в одинцовских памятниках V—VI вв. на Верхней Оби (рис. 12, 13). Более ранние могилы, вероятно, следует искать среди грунтовых погребений с их округлыми клювовидными пряжками и архаичной

²⁶ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, особенно стр. 35—40, 71, 72, 163, 164, рис. 7—9, 29, 30, 36, табл. 4.

²⁷ М. В. Воробьев. Древняя Корея. М., 1961, рис. XXXII, 5, XXXIII, 6, XXXIV, 3, XXXV, 1, XXXVIII, 4, XXXIX, 14, 15.

посудой (ножны с круглыми выступами бытовали в Иране как раз в I в. до н. э.—V в. н. э., судя по рельефам и сасанидскому серебру).

На Верхней Оби²⁸ одинцовский этап с ножами в обоямах, с цепочками из скрученных звеньев (рис. 12, 13) и чашевидной посудой (Большие Елбаны, пункт XII, могилы 17, 18, 22, 32—34; пункт XIV, мог. № 31, 38, 40) нужно датировать V—VI вв. по пряжке рис. 12, 14 (ср. рис. 2, 14, 16). Переходный этап с более вытянутыми сосудами, в некоторых кладбищах с сергами в виде знака вопроса,— не позже VII в., так как в следующем, фоминском этапе вещи уже VIII в. (серга со ступенчатым столбиком, имеющим аналогии в «Архиерейской заимке», геометрическая тюркская бляшка и костяная имитация геральдической поясной бляшки — рис. 12, 20—23). Замыкает шкалу сросткинский этап второй половины VIII и IX вв. Погребальный обряд одинцовского и переходного этапов, по М. П. Грязнову, одинаков, а посуда в юго-западной части могильника XIV ближе к «переходной», поэтому могилы № 7, 12, 17 (без посуды и с пряжками VII в.—рис. 12, 15—19) надо отнести к переходному этапу. Следовательно, переходные могилы: БЕ III, 1, 6, 15, БЕ XII, 1, 11, 19, 23, 30, БЕ XIV, 7, 12, 17, 24, 33, 37, 47, 49 и Одинцовка, 1930 г. Тогда все могильники V—VIII вв. в Больших Елбанах росли с юго-запада на северо-восток или север.

Алтайские памятники V—VII вв. близки верхнеобским: одинцовские (Пазырык) и близкие к «переходным» берельские²⁹. Берельские — также VII в. (рис. 12, 24—27): костяные подпружные пряжки неизвестны мне ранее VII в., в VII в. есть длинные, слабоизогнутые накладки лука (Новиковка близ Уфы), «кошибеевские» удила (Борки, мог. 69, Кошибеево, мог. 70) и кольцевые навершия палашей (от Дуная до Японии). Судя по трапециевидным пряжкам с клювом, близким таштыкским уйбатского этапа, шурмакские, или сыын-чюрекские древности Тувы³⁰ также дожили до VII в. Итак, в период I тюркотского каганата VI—VII вв. тюркоязычные народы Сибири представлены целой серией локальных культур, уходящих корнями в местную древность. В VII в. лишь намечается важная черта последующего этапа: на Верхней Оби (угры?) и на Алтае уже есть могилы всадников со взнужденными конями, в Хакасии и Туве лишь изредка удила и отдельные кости лошади. Древности тюрков VI—VII вв. (локализуемых на Южном Алтае) пока неизвестны. Вещи³¹ из приписываемых им поминальных оградок не имеют узкой даты. Более тщательно выполненные изваяния при оградках снажены реалиями VIII—IX вв., более схематичные не датируются, но часто входят в один комплекс с датируемыми (Кошо-Цайдам, Кызыл-Тей). Пока не доказано, что к оградкам можно относить письменные данные о тюркотских трупосожжениях. Тюркоты сжигали с трупом вещи и коня, но ничего этого нет в оградках. Пока сожжения всадников V и VII вв. известны лишь на Украине и в Поволжье (Ново-Григорьевка, Энгельс, мог. № 17 и 18 и др.). Повсюду трупосожжения разных народов содержат обломки костей (в Сибири — у кыргызов), в оградках их нет. По топографии Кудыргэ нельзя доказать, что могилы VIII—IX вв. позднее оградок: они не окружают их, а просто расположены ближе к реке, а оградки — ближе к горе. На каждом «могильном» холме хоронили долго: и в первой половине VIII, и во второй половине VIII—IX вв.—возможно, это отдельные кладбища двух маленьких коллективов.

²⁸ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, стр. 99—152, табл. XXXI—LVI.

²⁹ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ, стр. 51—57.

³⁰ С. И. Вайштейн, В. П. Дьяконова. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до н. э.—первых веков н. э. Тр. ТКАЭЭ, II. М.—Л., 1966, стр. 254—255, табл. XIII, 13, 17.

³¹ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ, стр. 14—21, 99—103; табл. II—V; Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 23—35.

Рис. 13. Украшения поясов VIII—IX вв.

1, 9—17, 22, 47 — VIII в.; 2—8, 23—32, 46, 54 — конец VII и первая четверть VIII в. (23—32, 54 — и позднее); 33—45, 48—53, 55, 56 — вторая половина VIII и IX в. 1, 9, 11, 13, 14 — Венгрия (1, 4—9, 11, 13, 14 — Аллатырь; 2 — Кечкемет-Баллосёг); 3 — Серед-Фехерто «Б»); 10, 12 — Житавска Тоня (Чехословакия); 15—17 — Югославия; 18—20, 28, 35, 36, 40, 43, 44 — ЧМи (18, 20, 28 — катакомба XXIII; 19 — кат. VII; 25, 36, 43, 52 — к. XXIV; 40 — к. XVI; 44 — к. XXVII); 21, 22 — Верхний Чир-Юрт; 23, 25—27, 29, 39, 49, 54 — Деменки; 24 — Катанда; 30 — Пенджикент; 31—34, 51, 53 — Мындань-Шай; 37, 38, 42, 50, 56 — Песчанка (37, 50, 56 — могила б; 38 — м. 5; 42 — м. 8); 41 — Тополи; 45 — Гижигид, 1898, склеп I; 46 — Глодосы; 47 — Нове Замки (Чехословакия); 48 — Галинат, 1935 г. Масштаб — к рис. 18—46, 48—56

На рубеже VII и VIII вв. у кочевников Дуная и Сибири появились наборные пояса с геометрическими (прямоугольными и сегментовидными) бляхами и с подкововидными и сердцевидными окантовками отверстий на ремне; серьги с маленькой подвеской и часто с боковым выступом на кольце, изогнутые сабли с коротким ромбическим перекрестием и двумя полукруглыми ушками на ножнах, стремена с прямой или сильно выгнутой вверх подножкой (рис. 8, 4—6, 10—36; 12, 29—36; 13; 14, 5—7, 16—18, 23). Локальное своеобразие зависит от различной трактовки этих общих мотивов и форм. Начало этапа лучше всего видно у авар — в виде кратковременного «II периода» (с пластинчатыми обкладками поясов, рис. 13, 2—8)³². Сначала вещи II периода бытовали параллельно с поздними комплексами I периода, а в конце постепенно сменились литыми украшениями III периода (рис. 13, 9, 10, 13—17). Многие специалисты по аварам относят начало II периода к 670-м годам или даже середине VII в. (а III группы — к 680 г.), основываясь только на находках в комплексах II периода византийских монет 582—602 гг. (Сегвар — Кородьпарт), 654—659 гг. (Сегед — Маккошердё, мог. 24), 668—669 гг. (Озора), поступление которых, по их мнению, прекратилось в 681 г., с образованием Болгарского царства³³. Но одни монеты очень ненадежны (рис. 1, 3). Полное отсутствие византийских монет в следующем, III аварском периоде (за неимением их в могилы кладут римские!) говорит о его значительном отдалении от гипотетической даты прекращения ввоза монет — 681 г. Сопоставление с Суук-Су заставило сдвинуть I группу аварских могил в большой мере на вторую половину VII в.; следовательно, II и III группы падают в основном на VIII в. Это согласуется с хронологией Д. Чалланя и Х. Митши-Мерхайма: геометрические пластинчатые пояса — с рубежа VII—VIII вв. (680—720 гг.), литые с 720—730-х годов и весь VIII в. Неубедительно возражение, что «могилы с литыми обкладками встречены в несравненно большем количестве, поэтому их нельзя связывать только с одним столетием, т. е. с VIII в.»³⁴. Их росту соответствует появление в III периоде обширных аварских поселений. И вообще на некрополях самых разных культур накопление могил шло в геометрической прогрессии.

В СССР характерны геометрические поясные бляхи-оправы с прорезью для продевания подвесного ремешка (рис. 12, 29—33, 36; 13, 24—26, 29, 30; 14, 31, 35, 36, 42, 44). На могильниках в зоне их распространения четко выделяются два периода: период, наиболее яркие представители которого Салтово и Сростки (второй половины VIII и IX в.) с любовью к орнаментации блях, и предшествующий ему кратковременный период с гладкими бляхами. В Прикамье (Деменки, Неволино, Броды, Полом) и Томске на одних и тех же поясах смешаны сибирские бляхи-оправы и местные геральдические 4 этапа.³⁵ Следовательно, в Прикамье, на Алтае, в Хакасии и в Монголии геометрические бляхи-оправы появились при-

³² I. Kovrig. Das awarenzzeitliche Gräberfeld von Alattyán. Budapest, 1963, стр. 123—148 (II), 148—176 (III); Z. Cilinská. Slawisch-awareisches Gräberfeld in Nové Zámky. Bratislava, 1966; N. Fettich. Beiträge zum Entstehungsproblem des altgermanischen II. Stils. AE, 1929, XLIII, 1, стр. 328—340, табл. VI—X (Игар), XI, 5, 6; XII, 9 (Озора); E. Lovas. Eine Grabstätte aus der Völkerwanderungszeit bei Bágolyog. AE, 1929, XLIII, 1 рис. 125, 126; Д. Чаллань. Византийские монеты в аварских находках. ААН, II. Budapest, 1952; D. Csallány. Rapports archéologiques entre les trouvailles tombales de l'époque avare de Szeged et des cors à boire hunno — bulgares. AE, VII—VIII—IX. Budapest, 1948, табл. LXXV—LXXVII (Атокхаза и Фехерто «Б» в Сегеде); K. Szabó. An avar grave from Kecskemét-Ballószög. FA, I—II. Budapest, 1939; E. Garam. Avar nyereg Tiszafüredről. AE, 96, 1, 1969.

³³ I. Kovrig. Das awarenzzeitliche Gräberfeld von Alattyán, стр. 131, 135, 136, 226, 232.

³⁴ Z. Cilinská. Slawisch-awareisches Gräberfeld, стр. 203.

³⁵ А. А. Спицын. Материалы по доисторической археологии России. ЗРАО, XI, 1—2. СПб., 1899 (Томск); В. Ф. Генинг. Деменковский могильник, ВАУ, 6. Свердловск, 1964; его же. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. Свердловск, 1962; Б. Ковалевская. К вопросу о «поломской культуре». МИА, 169, 1969; I. Frédelyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Newolino. Budapest, 1969.

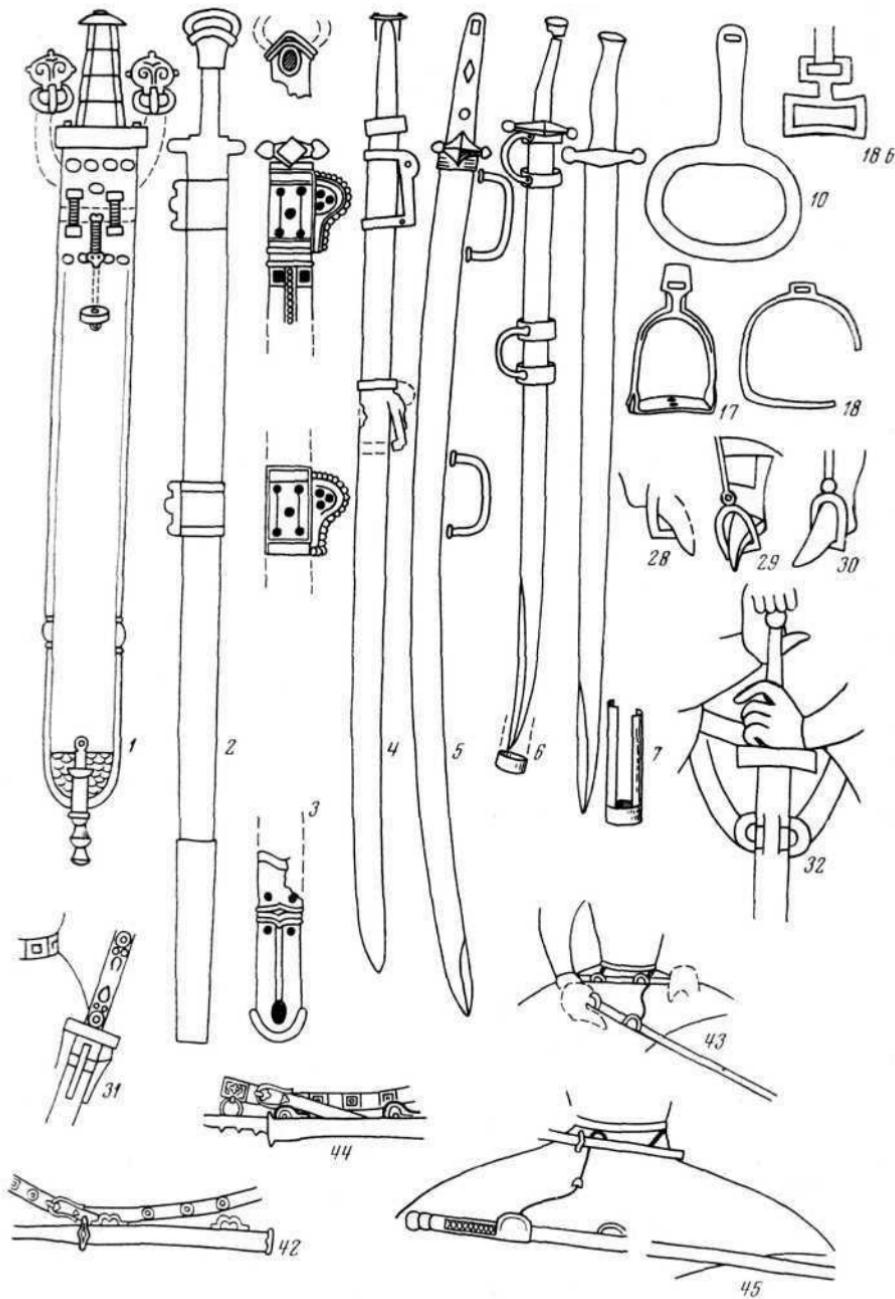
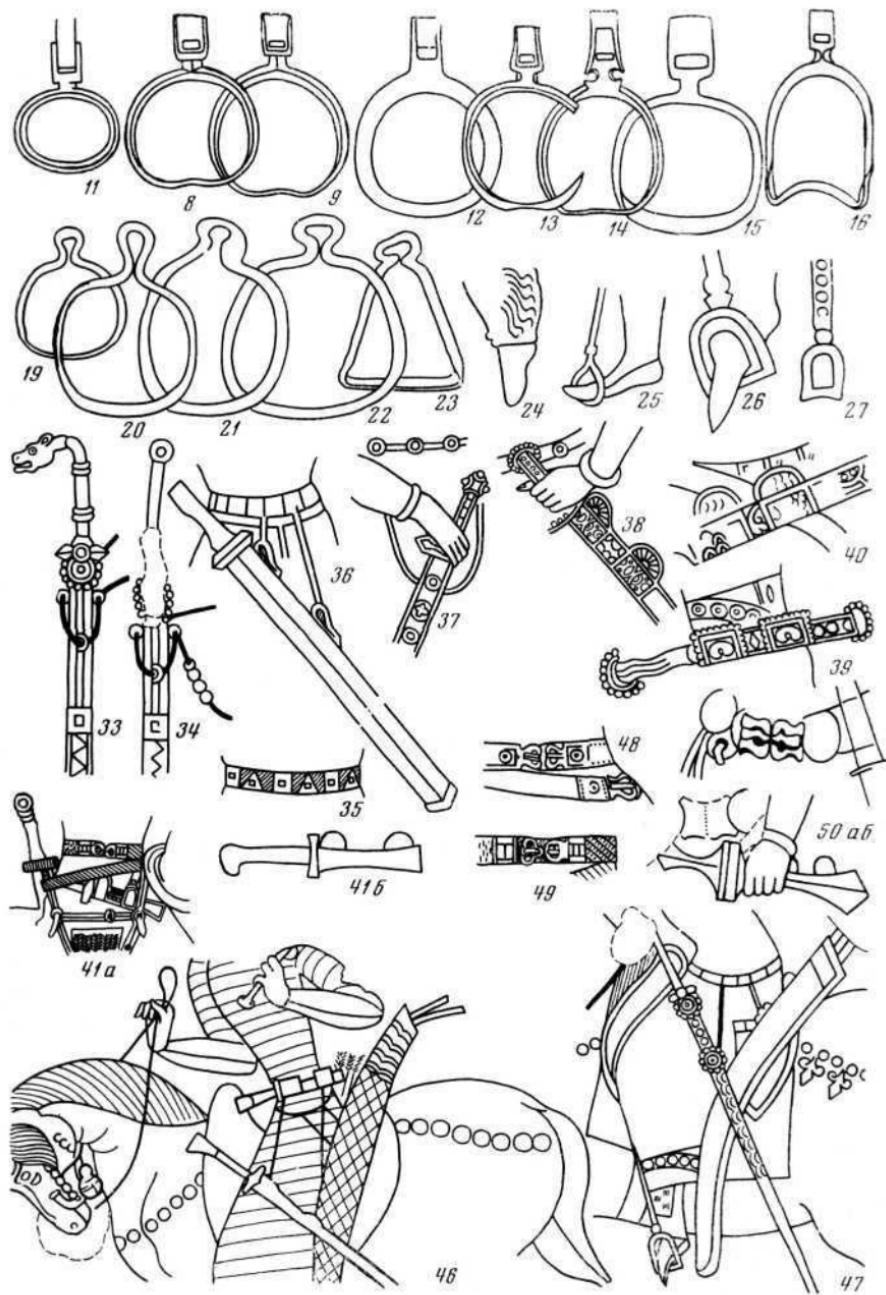

Рис. 14. Оружие и стремена V—IX вв.

1 — вторая половина V в.; 10 — V—VI вв.; 18б — 554 г.; 2, 8, 9, 19 — VII в.; 3—5 — конец VII — первая четверть VIII в.; 6—7 — вторая половина VIII—IX вв.; 10 — V—VI вв.; 11 — 637 г.; 12—18а, 20—23 — с VIII в.; 24 — IV в.; 25—31, 33—47, 50 — первая четверть VIII в. (31, 41б — первое десятилетие?); 32 — VI в.; 41а, 48, 49 — VIII в. без более узкого подраз-

деления. 1 — Блучина (Чехословакия); 2, 4, 5, 8, 9, 19 — Венгрия (2 — Серед-Чеигеле, п. 1; 4 — Кечкемет-Баллоксёт; 5 — Игар, п. 3; 8, 9 — Пико, п. А; 19 — Чолнок); 6, 7 — Мыдлань-Шай, п. 52, 50; 10 — Хваниам, Корея; 11 — памятник императора Тайцзуна (Китай); 12 — Самарканд, обсерватория Улугбека; 13, 20, 21 — Кудыргэ (п. 18, 11, 22); 14, 18а —

Вознесенка: 15, 22 — Монгун-Тайга (1957, курган XXI, 1958, к. VIII); 16, 17 — Борисово (погр. 114 и 99); 18б — Вэйский рельеф 554 г. (Китай, ныне в Бостонском музее, США); 23 — Катанда II, большой курган, впускная могила 2; 24, 25, 32, 36, 41а, 48, 49 — серебряные блюда; 26—28, 39, 40 — Варахша; 29, 30, 33—35, 42—45, 47 — Пенджикент (29, 47 —

объект VI, пом. 41; 30 — об. III, пом. 7; 33—35 — об. VI, пом. 1; 42, 44 — об. XVI, пом. 10; 43, 45 — об. I, пом. 10, ранний отрезок позднего III этапа, по П. И. Кострову); 31, 41б — Афрасиаб; 37, 38 — Фундукистан (Афганистан; вместе); 46 — замок Муг, щит; 50 — пещера Майя в Куче (Восточный Туркестан)

мерно в одно время: после 3 этапа геральдических поясов. Но в Приуралье они — только примесь к местным формам. Судя по наличию на поясах бляшек с рельефным орнаментом, многие пояса с гладкими бляхами-оправами и с геральдическими четвертого этапа дожили до второй половины VIII в. (Деменки, погр. № 9, 17, 19; Томск, погр. 5, 16, 28).

На Алтае, в Хакасии, Туве и Киргизии обе группы так называемых раннетюркских погребений всадников с конем: «кудыргинская» (с геральдическими поясами четвертого этапа) и «катандинская» (с бляхами-оправами) появились с рубежа VII—VIII вв. (в посеташтыкское и послебельское время) и параллельно развивались в VIII—IX вв. Возможно, права А. А. Гаврилова, что это разные группы племен. Среди «кудыргинских»³⁶ типологически древнее пояс из кург. № 1 в Таш-Тюбе (Киргизия, рис. 12, 28, четвертый этап геральдических поясов), бляшки из могил 4, 5, 8 в Кудыргэ чуть позднее (рис. 5, 64; 6, 17), но все они первой половины VIII в. По наличию рельефного орнамента геральдические бляшки из мог. № 9—11, 13, 15, 22 в Кудыргэ и могилы у обсерватории Улугбека второй половины VIII и IX вв. И действительно, так же датируются аналогии килевидной бляшке с изображением животного (в Песчанке на Кавказе, рис. 13, 38) и поясному наконечнику (в Салтовской культуре) из могилы № 9. Пояса с геральдическими бляхами VI—VIII вв. имели много подвесных ремешков (рис. 12, 28), эту черту сохранили аварские пояса II группы. В Прикамье VIII в. ремешки слились в широкие лопасти (Неволино, Броды).

Ранние тюркские пояса — с гладкими бляхами-оправами и без декоративных подвесных ремешков (рис. 12, 29—33, 36; 13, 24—32; 14, 31, 35, 36, 39, 40, 42, 44, 47). К ним подвешены лишь сабля, кинжал, сумка, оселок, инструменты. Блях-оправ то мало, то они сплошь покрывают весь пояс. Наконечник один, свисает то сбоку (Согд, рис. 14, 39, 40, 42, 44), то сзади (турки, рис. 12, 29, 32, 36). Таковы пояса на изваяниях тюркотов (рис. 12, 29—32) в орхонских памятниках Кюль-Тегина (732 г.), Бильге-Кагана (735 г.), Тоньюкука, а также лишь иногда имеющие бляхи-оправы согдийские пояса в росписях Пенджикента (до 722 г.), Афрасиаба (до 711 г.), Варахши (рис. 14, 39—40), Балалык-Тепе и Восточного Туркестана³⁷. Поэтому пояса с тесно свисающими ремешками на сасанидских рельефах Хосрова II (590—627 гг.) в Так-и-Бустане не центральноазиатские: по ремешкам они ближе к западным «геральдическим», по декору не имеют аналогий. Много раннего типа поясов и на тюркских статуях³⁸,

³⁶ А. К. Кубиров. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 86—87 (Таш-Тюбе); В. И. Стришевский. Погребение с конем середины I тысячелетия н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. Труды музея истории народов Узбекистана, 1. Ташкент, 1951; А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ; С. Доржийгэл. An Early Medieval Find from Northern Mongolia. ААН, XIX, 3—4, 1967, рис. 1.

³⁷ В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, СПб., 1892—1899, табл. IX, 3, 4, X, 1, 3, 4, XI, 2—8, 10, XIII, 1, XIV, 5, XV, 2, CV, 4, CVIII, 1, 2; В. И. Распопова. Поясной набор Согда VII—VIII вв. СА, 1965, 4, рис. 5—6; В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963; его же. Новые памятники искусства Согда. «Искусство», 1966, 1; А. Грюнведель. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Berlin, 1912, рис. 53, 426, 427; Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, рис. 104, 114, 118, 123 и др. Некоторые согдийские пояса снабжены двойными геральдическими (лировидными?) пряжками не ранее VII в. (ктиоры в пещере Майя, рис. 14, 50; А. Грюнведель. Alt-Kutschcha. Berlin, 1920, табл. XLVIII, XLIX), но им сопутствуют кинжалы с двумя полукруглыми ушками (как на рис. 14, 41) не ранее рубежа VII—VIII вв. По сходным пряжкам и кинжалу (рис. 14, 41а, 48, 49) можно считать, что близкие между собой серебряные блода с охотящимися царями в крылатых коронах (Чердынское в ГЭ, ошибочно относимое к Переозу, и Парижское, приписываемое Иездигерду III) сделаны в VIII в.; по многим признакам они хорошо входят в стилистически пеструю группу послесасанидских имитаций сасанидских блод, убедительно очерченную К. Эрдманном.

³⁸ Л. А. Евтухова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952, рис. 3—5, 17—19, 28, 31, 45, 46; 47, 1, 3; 49, 2; Л. Р. Кызласов. Тува в период

не имеющих точной даты. Им часто сопутствуют круглые сумки с волютами на клапане (рис. 12, 30, 31, 36), хорошо датирующиеся по орхонским статуям 730-х годов. Беднее археологические материалы: ведь статуи стоят на поверхности, а объем раскопок ограничен. Явно ранние могилы: Катанда II, кург. № 5 (1954 г.) на Алтае, Капчалы II, кург. № 19 в Хакасии (Кокель, кург. № 23 в Туве, возможно, позднее, судя по костяным пряжкам)³⁹. Прочие погребения недостаточно выразительны или с поздними признаками. Простые пояса бытовали и позднее, поэтому не все могилы и статуи можно сейчас точно датировать.

Следующий этап — пояса с узорчатыми бляхами-оправами или с декоративными подвесными ремешками, продетыми в прорезь или пришитыми (рис. 12, 37—42, 49, 50). Их датирует уйгурская живопись второй половины VIII и IX вв. в Сорчуке и Бэзэклике, второй половины IX в. в Идыкутшэри (рис. 12, 37—39)⁴⁰. Сумки расширяются кверху. Такие же пояса с множеством наконечников, металлическими бляхами-петлями с сердцевидной прорезью и с гладкими либо узорными бляхами-оправами имеются на поздних статуях⁴¹, в сросткинских и большинстве так называемых раннетюркских могил VI — VIII вв.⁴² Примеры поздних «раннетюркских» могил: Копены, 1939, курган № 2, б, Туэтка, 1935, курган № 3, 4, Курай, IV, кург. № 1, 3, Капчалы I и II, Монгун-Тайга, 1957, кург. XXI, XXVI, XXXVI, 1958, кург. IV, V, VIII, X, Бай-Тайга, 1959, кург. № 1, Черби, кург. № Б — 18, Кара-Чога, 1953, кург. № 4, Кокель, кург. № 1, 2, 5, 6, 22, 47, Джаргаланты, кург. № 2 (рис. 12, 41, 42, 49, 50, 53). Следующий этап, датируемый исследователями второй половиной IX и X в., ярко представлен в Туве (Успенская, Шанчиг, Тора-Тал-Арты)⁴³. Это неосредственное продолжение кыргызских древностей типа копенских, особенно в орнаментике, теперь более сухой и измельченной. Металлические подвески-петли следует разделить на этапы: VII в. (рис. 12, 47, 48), вторая половина VIII и первая половина IX в. (рис. 12, 39—42), вторая половина IX—X вв. (рис. 12, 54). Ко второй половине VIII—IX вв., судя по комплексам, надо отнести надписи на поясе (рис. 12, 42) и серебряных и золотых сосудах Алтая и Хакасии (такие сосуды изображены и на поздних изваяниях, рис. 12, 51—53). Следовательно, они позднее орхонских эпитетов эпохи Бильге-Кагана (к ней Л. Н. Гумилев относит

туркского каганата. ВМГУ, сер. IX, 1960, 1, рис. 2 и 5; е г о ж е. История Тувы в средние века. М., 1969, рис. 3 и 5; С. С. Сорокин. Древние каменные изваяния Южного Алтая. СА, 1968, 1, рис. 2; Я. А. Ше р. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966, рис. 2, № 4, 5, 8, 9, 11, 15, 16 (?), 17, 19, 20, 25, 26, 32, 37, 40, 43, 44, 46, 47 (о стиле изваяний № 61, 72—74: вероятно они сделаны для тюрок согдийскими мастерами, как на Орхоне иногда работали китайские).

³⁹ А. А. Гаврилова. Могильник Кудырга, стр. 59, 61—63; В. И. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов, МИА, 24, 1952, рис. 5, 5, 6, 28, 36, 42, 48, 55; С. И. Вайнштейн. Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве. Тр. ТКАЭЭ. II. М.—Л., 1966, табл. VI—VII; возможно, Хана в Монголии (I. Erdélyi et al. Results of the Mongolian—Hungarian Archaeological Expeditions. ААН, XIX, 3—4, 1967, рис. 33—37).

⁴⁰ А. Grünwadel. Altbuddhistische Kultstätten, рис. 56, 443, 564, 566, 664—666 (но пояса на рис. 239, 562, 567, 628 без подвесок?).

⁴¹ Л. А. Евтухова. Каменные изваяния, рис. 20, 21, 24—26, 33, 34, 40; Л. Р. Кызласов. История Тувы, стр. 80—82, рис. 26, 27.

⁴² А. А. Гаврилова. Могильник Кудырга, стр. 61, 64—72, табл. XXXI, 49, 55, 56; Л. А. Евтухова, С. В. Киселев. Чая-тас у села Копёны. Тр. ГИМ, XI, 1940; и х ж е. Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, XVI, 1941; В. П. Левашова. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, 24, 1952; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге. Тр. ТКАЭЭ, I. М.—Л., 1960; е г о ж е. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. Там же; е г о ж е. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге. Тр. ТКАЭЭ, II. М.—Л., 1966; С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, VI. Кызыл, 1958, табл. IV, 119, 125, 127; е г о ж е. Памятники второй половины I тысячелетия; Л. А. Евтухова. О племенах центральной Монголии в IX в. СА, 1957, 2.

⁴³ Л. Г. Нечаева. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты. Тр. ТКАЭЭ, II. М.—Л., 1966; Л. Р. Кызласов. История Тувы, стр. 97—108.

и стелу в память умершего раньше Эльтереса). Вероятно, древнетюркская письменность появилась в период консолидации сибирских тюрок на рубеже VII—VIII вв., проявившейся в возникновении у них общих обычаем, общей моды в одежде и оружии, а главное, в создании II каганата и развитии самосознания⁴⁴. Сначала письменность появилась в быту правящей верхушки на Орхоне и с годами все более распространялась в тюркоязычной среде. О ее существовании в период локальных культур V—VII вв. (таштыкской и др.) данных пока нет.

По данным С. И. Вайнштейна, древнейшие изображения всадников, опирающихся обеими ногами на стремена,— китайские статуэтки 582 г. До того ноги всадников при езде свободно свисали (даже тогда, когда слева изредка имелась треугольная петля-подножка, применявшаяся большими для посадки на лошадь). Первое упоминание стремян византийцами (у псевдо-Маврикия)— не ранее рубежа VI—VII вв.⁴⁵ По поводу возникновения стремян (как и сабли) возникало множество умозрительных гипотез. Однако по имеющимся фактам их эволюцию следует представить так: 1) очень растянутые горизонтально овальные с отверстием для ремня на вершине длинного стержня (сначала выгнутые из дерева и обтянутые металлическим листом, потом железные; в первой половине V в. с нерасширенной подножкой, позднее с расширенной массивной подножкой) — обычная находка в японских и корейских могилах V и VI вв. (рис. 14, 10)⁴⁶; 2) горизонтально вытянутые (овальные, иногда угловатые) с широким ушком на короткой шейке — на вэйском рельефе 554 г. (рис. 14, 186) и на рельефах памятника 637 г. в честь императора Тайцзуна (рис. 14, 11)⁴⁷ — вторая половина VI и первая половина VII в.; 3) еще сохранившие слабую горизонтальную овальность, но подножка пластинчатая со спрямлением или слабым прогибом вверх (напоминая очертания яблока), ушко пластинчатое на короткой шейке или петлевидное (рис. 14, 8, 9, 19) — они типологически позднее тайцзуновых, следовательно, в основном второй половины VII в.— из аварских могил I группы на Дунае и из Перещепина; 4) очень разнообразные: круглые или вытянутые вверх, иногда угловатые, с тенденцией к трапециевидности, низ часто спрямлен, совсем прямой или резко выгнут вверх, ушки как в 3 этапе, но иногда щель внизу высокой пластины без перехвата, бывают боковые вырезы у основания (рис. 14, 12—18, 20—23, 25—30, 47) — в аварских могилах II и III групп, сибирских и среднеазиатских могилах с бляхами-оправами, на фресках Варахши и Пенджикента, в древностях салтовской поры—VIII и IX вв. (они здесь не рассматриваются: важно лишь их отличие от ранних). У авар пока не найдено стремян ранее VII в., а у тюрков ранее VIII в. Последние еще во второй половине VIII—IX вв. иногда ездили без стремян, судя по рисункам на луке седла из мог. № 9 в Кудырге.

Смена форм мечей и палашей на рубеже VII—VIII вв. четче всего видна в аварской группе II, где зачастую смешивались Р-образные и дутовидные ушки ножен, прямое и ромбическое перекрестья, прямой и изогнутый клинок (Кечкемет-Баллосёг, Глодосы; аварские изогнутые сабли периода II самые ранние из найденных в Евразии, в других местах они известны пока лишь для второй половины VIII и IX вв.). Та же смена

⁴⁴ Об идеологии II каганата: Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 270—272, 338—346.

⁴⁵ С. И. Вайнштейн. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. СЭ, 1966, 3, стр. 62—66, 69, 70.

⁴⁶ М. В. Воробьев. Древняя Корея, стр. 108—117, табл. XXXIV, 10; С. Онояма. Нихон хаккэн-но сёки-но багу. Кокогаку дзасси, LII-1. Токё, 1966; С. Умэхара. Кэйсю кинрэй цука сёкури цука хаккуну тёса хококу. Косэки тёса хококу, 1924, № 2. Кэйдзё, 1931, табл. 119, 120, 203, 204; А. Хамада. Кэйсю-но кинкан цука. Токё, 1932, табл. 36, 37; J. Werner. Beiträge, табл. 67, 1.

⁴⁷ I. Kovrig. Adatok az avar megszállás kérdéséhez, AÉ, 81, 1, 1955, табл. XI; E. Chavannes. Six monuments de la sculpture chinoise. Bruxelles—Paris, 1914, табл. XLI, XLII.

видна и в живописи VI объекта в Пенджикенте, где свободно подвешенные на продетом сквозь скобы ремни типологически ранние мечи (как в сасанидском искусстве III—VII вв. и в Европе эпохи великого переселения народов, рис. 14, 1, 31—34, 37; на ремень часто нанизаны плоские кольца) изображены наряду с наклонно подвешенными за два боковых ушка (рис. 14, 47) с тем отличием, что, судя по мечам из Дейлема, фрескам и торевтике, иранские и согдийские мечи VIII в. двулезвийны, несмотря на частую асимметричность рукояти. Им сопутствуют на фресках стремена с прямой подножкой и пояс, по мнению В. И. Распоповой, с бляхами-оправами (рис. 14, 29, 35, 47). В живописи остальных объектов — только полукруглые (редко поздние Р-образные) ушки (рис. 14, 42—45), пояса с бляхами-оправами и стремена с прямым низом⁴⁸. Те же признаки рубежа VII—VIII и начала VIII вв.— в живописи Варахши, Афрасиаба, в торевтике⁴⁹ (рис. 14, 25, 36, 41а, б) и на тюркских статуях. Иногда на одних ножнах — и дуговидная и Р-образная скоба (Афрасиаб; Фундукистан в Афганистане, рис. 14, 38)⁵⁰. Показательны типичные серьги VIII в. с боковым выступом на фреске Афрасиаба⁵¹. Из-за отсутствия датированных аналогий согдийскую живопись в основном датировали по реалиям, сопоставляя их с сибирскими и аварскими (М. М. Дьяконов и др.). Поэтому последний этап согдийской живописи Пенджикента (III группа), Варахши, Афрасиаба, Балалык-тепе и более южной в Фундукистане следует синхронизировать по реалиям с аварской II группой рубежа и первой четверти VIII в. Действительно, в забутовке более ранних развалин под основанием южной части объекта VI в Пенджикенте (с типологически ранним оружием) найдена монета Бидайана начала или первой четверти VIII в.⁵² Большинство раскопанных росписей Согда сделано в период первоначальной зависимости от арабов и угрозы полного подчинения, а некоторые и при арабах. Ведь сами арабы уничтожали только идолов, а светская живопись была и у них⁵³, на арабских монетах Ирана 770-х годов изображены головы в коронах.

В Восточной Европе второй половины VIII и первой половины IX в. характерны бляхи-оправы с растительным узором, перстни с четырьмя выступами, серьги с боковым шипом и длинными подвесками, бородавчатые бусы и др. (рис. 8, 27—46, 48—50; 13, 33—45, 48—53, 55, 56; 14, 6, 7). Наряду с монетами этого времени часты монеты VII и первой половины

⁴⁸ М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. ЖДП. М., 1954, табл. V (Муг, щит первой четверти VIII в., здесь рис. 13, 46), VII—X, XII (объект I), XVII (об. II), XXXI, XXXIII (об. III), XXXV—XXXIX (об. VI); А. М. Беленицкий. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. МИА, 37, 1953, табл. V; Очерки истории СССР, рис. 80; А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, рис. 48 (об. VI, пом. 13); его же. Древний Пенджикент. СА, 1959, 1, рис. 18, 19а, 22 (об. VI); СЖДП, М., 1959, табл. III, V, VII, VIII, XII, XXIII (об. VI); В. И. Распопова. Поясной набор, рис. 5—7 (объект XVI).

⁴⁹ В. А. Шишкина. Варахша. М., 1963, табл. III, IV, XIV, XVII; Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XXIII, 50 (из Кулагыша), XXXI, 59 («Парижская» чаша, здесь рис. 14, 41а, 49), XXXIII, 61 (с именем заказчика: Пур- и Вахмана, здесь рис. 14, 25, 36), XXXVIII, 67 («бактрийская» со сценой пира).

⁵⁰ Л. Лифшиц. Гибель принцессы. «Знание — сила», 1966, 3, стр. 17; J. Hackin, J. Cartet, J. Meunier. Diverses recherches archéologiques en Afghanistan. Paris, 1959, рис. 195, 199.

⁵¹ Д. Вархотова, Г. Шишкина. Мировое открытие советских археологов. «Вокруг света», 1966, 1, стр. 3.

⁵² Б. Я. Ставиский. Раскопки квартала жилищ знати. МИА, 124, 1964, стр. 122, 145, 174, 176; В. И. Распопова. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв. СА, 1969, 1, стр. 174.

⁵³ А. Ю. Якубовский, О. Г. Большаков в книге «Очерки истории СССР», стр. 422, 424, 426, 433, 445—448. С реалиями согласуется дата надписи на фреске Афрасиаба, по В. А. Лифшицу: последние треть VII или начало VIII в., но он не исключает и арабское время (с разрушением фрески в IX в.: КСИА, 122, 1970, стр. 5).

VIII в. Эта эпоха повсюду хорошо изучена⁵⁴ и здесь не рассматривается. Исключение — Северный Кавказ, где своеобразие материалов затрудняет датировку по салтовским аналогиям. Показательны могильники Чми, Галиат, Песчанка⁵⁵. Чми делится на три этапа (табл. IV); 1) с поясами и инвентарем второй половины VII в.; 2) с элементами позднего стиля вычурных поясов (язычки) и геометрическими бляшками в виде плоского кольца с вставной серединой (рис. 13, 28; такие, килевидные, есть в Неволине), отделяется от этапа 3 очень нечетко (катакомбы 7 и 23) — VIII в.; 3) основная масса могил с орнаментированными бляхами поясов, салтовскими пряжками и серьгами, стеклянными перстнями — второй половины VIII и IX вв. Важный признак VIII в. (и позже) в Восточной Европе вообще — бубенчики и пуговицы (до эпохи Перецепина их не было). Из 12 комплексов с монетами лишь в четырех монеты датируют (вторая половина VIII в.), в восьми монеты запоздали на 100—150 лет. Вопреки распространенному мнению, склепы Песчанки и могила 1935 г. в Галиате оказались тоже второй половины VIII — первой половины IX в. Датируют их стеклянные перстни, орнаментированные бляхи-оправы, ажурные детали поясов (рис. 13, 37, 38, 42, 45, 50, 56), язычок с двумя выступами у верхнего края (рис. 13, 56; аналогии в Тополе⁵⁶, Мыдлань-Шае, рис. 13, 55, в поздней части аварской груши III, рис. 13, 17) и др. Выделяется группа рельефных трапециевидных блях-оправ вторая половины VII—IX вв. (рис. 13, 50): Песчанка, 6 (вместе с рис. 13, 56), с. Султановское (гора Брык; на кожаном поясе с более усложненным язычком), Дмитровское, могила 52 (второй половины IX в.), Столбица (с монетами 716—717 и 717—741 гг.), Житавска Тонь (Чехословакия; могила А, рубежа VIII—IX вв.) и Кестхей (Венгрия)⁵⁷. Фибулы этого времени шарнирные с завитком, пологой спереди спинкой (рис. 15, 5), пружинные с резко выгнутой спинкой (рис. 15, 6) с очень длинным приемником (рис. 15, 9, 10). В Дагестане и Чечено-Ингушетии⁵⁸ — массивные литьевые фибулы с гирькой на конце (рис. 15, 8) или кованые с длинными перекладинами из металлических бус (Бежта, ранняя Агач-Кала, Чипухой и др.), звездчатые бляхи, огромные полые полиэдрические подвески, полые браслеты с утолщенным серединой и концами; шпильки с головками, фигурки животных, в Бежте бляхи со звериным орнаментом. В VIII в. на Северном Кавказе происходит вторичное после кобанской эпохи рождение в металле звериного стиля, связанное, вероятно, с последним периодом родового строя.

⁵⁴ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967; А. А. Гаврилов, Кудыргэ, стр. 66—72; В. Ф. Генинг. Деменковский могильник, стр. 148, 119, 121, 122; его же. Мыдлань-Шай; В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

⁵⁵ ОАК за 1898, стр. 124—135 (Песчанка, раскопки И. А. Владимирова); Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. Изв. СОНИИ, IX, Орджоникидзе, 1940 (Галиат); В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 20, рис. 6 (Хазнидон); Е. Г. Пчелина. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац. Тр. СА РАНИОН, IV. Л., 1928.

⁵⁶ Ю. В. Кухаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, XLII, 1951, рис. 31, 2; 33, 8; С. А. Плетнева. От кочевий к городам, стр. 101.

⁵⁷ ОАК за 1900, рис. 125 (Султановское); В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. САИ Е4-4. М., 1962, рис. 18, I (Столбица); С. А. Плетнева. От кочевий к городам, рис. 45, 13 (Дмитровское); V. Budinský-Křička. Pohrebisko z neskorej doby avarskej v Zitavské Tôny na Slovensku. Slovenská archeológia, IV, 1. Bratislava, 1956, стр. 60, 62, табл. IX, I (там же — о Кестхее).

⁵⁸ К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, XXXVIII, 1951 (дополнение: Очерки истории СССР, стр. 723); Д. М. Агаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963 (Бежта и др.); С. Ц. Умаров. Материалы по археологии юго-восточной части горной Чечни. «Археолого-этнографический сборник», III. Грозный, 1969, рис. 1 и 2 («Арсойн Хаст» в с. Дай); М. Х. Багаев, В. Б. Виноградов. Могильник в с. Хорошой. КСИА, АН СССР, 127, 1971; F. Напаг. Kaukasische Sprossenfibeln. ESA, XII. Helsinki, 1938 (Чипухой); А. К. Амброз. Фибулы, табл. 6, 6—9.

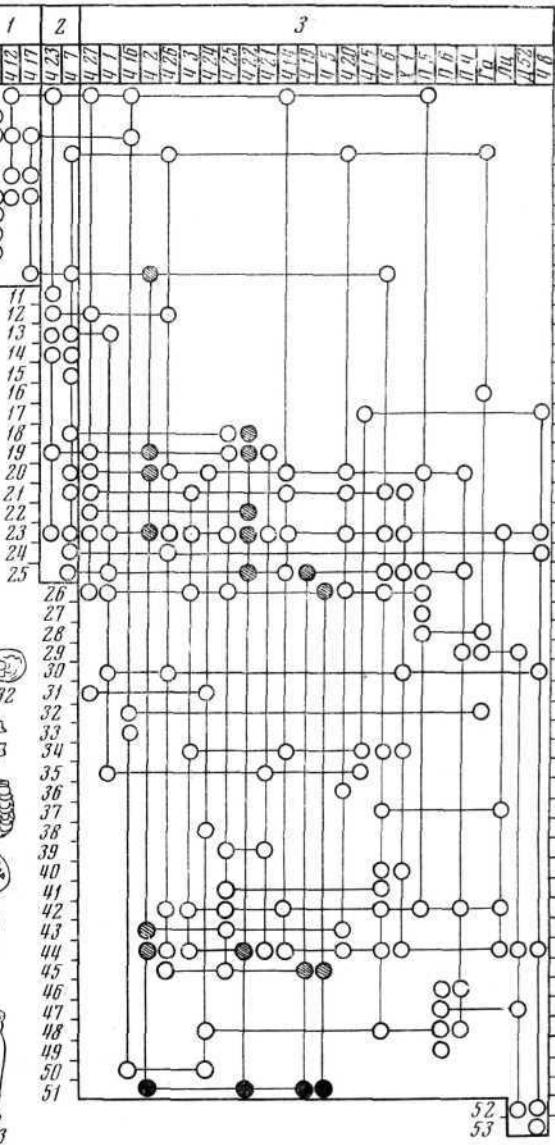

Таблица IV. Эволюция могильника Чми (с привлечением аналогий).

Сокращения: Ч — Чми, Х — Харх, П — Песчанка, Га — Галиат, Лп — Лап, Д — Дмитровское.

1 — монеты середины и второй половины VI в.; 2 — В-образная пряжка (рис. 6, 39); 3 — части поясов VII в. (II группы, рис. 5, 26, 37, 44, 66, 71); 4 — монеты рубежа VI—VII вв.; 5 — язычки с желобчатой окантовкой отверстия (рис. 5, 69); 6 — части «вычурных» поясов (III группы; рис. 5, 38, 43, 47, 62, 63, 67); 7 — Р-образное ушко сабли; 8 — зерненные обкладки пояса (типа рис. 6, 22, 23); 9 — стеклянный стакан с узором из относительно тонких нитей («Очерк истории СССР», стр. 629, слева); 10 — лировидные пряжки с вытянутыми «тубами» (рис. 6, 13); 11 — лировидные пряжки с невыступающими «тубами»—валиками (рис. 13, 18); 12 — прямоугольные бронзовые пряжки (рис. 13, 20); 13 — наиболее поздние язычки в «традициях» VII в. (IV группа, рис. 5, 77—79); 14 — дисковидные бляшки со вставленной серединой (рис. 13, 28); 15 — фестончатые пряжки (рис. 13, 19); 16 — монета начала VIII в.; 17 — арабская монета (VIII в.?); 18 — биконические грубые бусы; 19 — шилька; 20 — бубенчик с прорезью (рис. 8, 48); 21 — пуговица (рис. 8, 49, 50); 22 — полизидрические серьги (В. Б. Деопик. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, 114, 1963, рис. 2, 1, 7); 23 — прозрачные глаазчатые бусы (рис. 8, 41); 24 — грушевидные бусы (рис. 8, 43); 25 — ажурные круглые подвески-амулеты;

26 — бронзовые фигурки животных (рис. 8, 40 и др.); 27 — античные антропоморфные фибулы; 28 — язычки с изображением дракона, тисненые на одной матрице; 29 — пластинки с тисненым чешуйчатым орнаментом (рис. 13, 48); 30 — «бородавчатые» бусы; 31 — сегментовидные бляшки-оправы с орнаментом (рис. 13, 43, 44); 32 — подковообразные бляшки с орнаментом (рис. 13, 40); 33 — пряжка с сердцевидной обоймой (В. Б. Деопик. Ук. соч., рис. 1, 6); 34—35 — фибулы с завитком (34 — рис. 15, 5; 35 — рис. 15, 9, 10); 36 — звездчатая бляха; 37 — массивный стеклянный стакан с грубым узором из толстых нитей (как Е. Г. Чечелина. Два погребения, рис. 2); 38 — фестончатые язычки; 39 — сердоликовые бусы с росписью (В. Б. Деопик. Ук. соч., рис. 6, 1—8); 40 — пряжка с «двурогой» обоймой; 41 — поясные бляшки с подвесными колышками (рис. 13, 36, 37); 42 — стеклянные перстни (рис. 8, 44); 43 — салтовские перстни (рис. 8, 46); 44 — салтовские серьги со столбиком I группы (рис. 8, 27—31); 45 — серьги с шаром (рис. 8, 32); 46 — серьги типа Песчанки (рис. 8, 6); 47 — граненовидные рельефные бляшки-оправы (рис. 13, 50); 48 — узорчатые бляшки пояса (рис. 13, 35); 49 — прозрачные бляшки пояса (рис. 13, 37); 50 — салтовские пряжки (рис. 13, 52 и др.); 51 — монеты конца VIII в.; 52 — салтовские серьги II группы (рис. 8, 33); 53 — копушка с широкой пластинкой

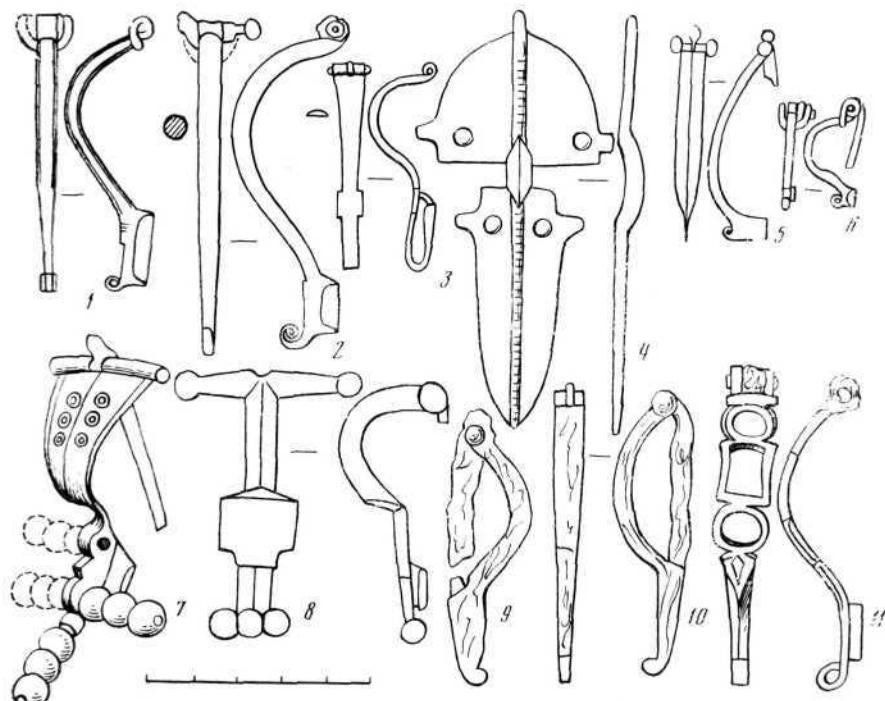

Рис. 15. Некоторые северокавказские фибулы VII—IX вв.

: 2 — VII в., 3, 5—11 — VIII—IX вв.; 4 — рубеж VII—VIII вв. 1 — Гижгид; 2 — Кумбулта; 4, 5, 9, 10 — Чми (3 — катакомба VII; 5 — к. VI; 9 — к. XXI; 10 — к. XV); 4 — Чир-Юрт, могила 72; 6 — Балта, катакомба 12; 7 — Чинухой; 8 — Агач-Кала; 11 — Рутха

Итак, уже на первой стадии работы удалось большинство комплексов датировать по столетиям и даже детальнее. Так же можно разработать керамику, и она будет еще более важным и тонким хронологическим показателем, чем украшения. Пример — датировка И. П. Русановой раннеславянской керамики⁵⁹. Надо подчеркнуть, что только публикации с полным воспроизведением комплексов в иллюстрациях (и чем больше «одинаковых», тем ценнее) отвечают современному уровню науки. Это стало обязательным правилом во многих странах и все шире распространяется у нас. Образец — замечательные книги И. Ковриг, З. Чилинской, А. А. Гавриловой. Если же выборочность неизбежна, лучше отобрать целые характерные комплексы, ограничив их число, чем давать произвольную подборку изодированных вещей. Иногда самые яркие комплексы можно воспроизводить в более крупном масштабе, а «дублирующие» для экономии места — в значительно более мелком.

⁵⁹ И. П. Русанова. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии. Древности Белоруссии. Минск, 1966; ее же. Керамика раннеславянских поселений Житомирщины. Archeologické rozhledy, XX — 5. Praha, 1968. Детально можно датировать и зарубинецкую керамику: А. К. Амброс. Фибулы, стр. 14—15, табл. I (указаны номера погребений, керамику можно видеть в публикациях) и табл. II (в основном по Ю. В. Кухаренко).

Поправка. На табл. II в первой части статьи следует исправить цифры по вертикали слева: 31 на 43 и 32—43 на 31—42. По данным Б. И. Маршака, полукруглые ушки ножен имелись на Востоке уже в VI и VII вв.; пояса, близкие рис. 12, 37, 38, есть уже на танских изображениях начала VIII в. (Вэнью, 1959, № 8 и 1964, № 1) — это вносит некоторые коррективы в статью II.

«PROBLÈMES DE LA CHRONOLOGIE DU DÉBUT DU MOYEN ÂGE
EN EUROPE ORIENTALE»

Résumé

L'utilisation pratique de la chronologie généralement adoptée pour l'Europe Orientale et la Sibérie des V—VIIes siècles a montré qu'elle est très contradictoire et partiellement périmée. L'auteur fait une tentative d'établir un système chronologique unifié des ensembles de sépultures des V—VIIes siècles découverts sur les territoires s'étendant du cours moyen du Danube jusqu'à la Sibérie méridionale (fig. 1, 1—2). Ici la date de chaque étape est définie compte tenu du système chronologique en entier. Grâce à l'application de la méthode de chronologie relative les antiquités en question sont réparties par les périodes de 50 à 100 ans. Il est constaté que seulement certaines monnaies pouvaient servir à déterminer les dates; quant aux autres, l'époque de leur enfouissement était plus postérieure que celle de leur battage (fig. 1, 3). Les datations de la plupart de monuments sont corrigées de 50 à 200 ans et, dans certains cas, encore plus. Au centre du système figurent les nécropoles de l'Abkhasie (7 étapes, les II—VIIes siècles) et celles de la Crimée (du type Sououk-Sou, 6 étape de la deuxième moitié des VI—IXes siècles). Cela a permis de préciser sensiblement la chronologie du Bosphore des IV—VIIes siècles (peu étudiée jusqu'à présent) et celle du Caucase du Nord (ici tout un groupe de nécropoles prétendues des IV—V es siècles sont à associer au VIIe siècle). Des fibules à semi-disques et des boucles de ceinture sont surtout importantes pour déterminer les datations. Le IVe siècle est le temps de l'apparition des boucles massives à un court ardillon en crochet, le Ve siècle — celui des boucles à un long ardillon de même forme, la deuxième moitié du VIe siècle (sur le Danube et en Crimée) — celui des plaques géraldiques de ceinturon du type ancien byzantin. Au VIIe siècle ces plaques, en formes sensiblement changées, étaient fréquentes sur un territoire très vaste. Pour le VIIIe siècle sont caractéristiques leurs modifications les plus tardives. Le style des incrustations propre à l'époque des Huns se forma lors des premières décennies du V-e siècle dans la région située au cours moyen du Danube. Et c'est d'ici-là qu'il pénétra au Bosphore et au Caucase. Pour le Bosphore il est à définir les étapes suivantes: au III-e siècle, la ruine du royaume par les Goths et sa décadence qui en fit suite et envahit aussi le IVe siècle; au Ve siècle, sous les Huns, la réapparition de riches sépultures appartenant à la noblesse du Bosphore et la réhabilitation de Tanaïs; aux VI—VIIes siècles, l'étape des fibules digitées et des boucles de ceinture avec décoration en relief. Les objets prétendus de l'ancienne époque avare retrouvés sur le Danube sont à rattacher à la troisième étape de Sououk-Sou et, en premier lieu, à sa quatrième étape et datés du VIIe siècle. Parmi les trouvailles publiées il n'y a pas d'ensembles avars du VIIe siècle.

L'auteur propose une nouvelle répartition, par périodes, des objets anciens des IV—VIIes siècles provenant des régions de la Volga, l'Oka et la Kama. Ces antiquités sont réparties par étapes selon leur combinaison dans les ensembles d'objets autochtones. En même temps, les analogies du sud ont permis d'établir les rapports entre les rubriques locales chronologiques et celles de la Crimée et du Caucase. On voit les traditions du Ve siècle se transformer graduellement au cours d'une longue période; dans certaines régions elles se maintenaient jusque dans le VIIe siècle. Les sépultures des nomades comportant des objets couverts par des feuilles d'or incrustées sont généralement rattachées à l'époque des Huns. Cependant on peut y distinguer nettement les ensembles du Ve siècle (Novo-Grigoriévkha, Théodosie) et ceux du VIIe siècle (Chipovo, les Kourganes 17 et 18 aux environs de la ville d'Engels, les objets du type Varna — Kara — Agatch — Borovoïé). Il paraît que les sépultures des nomades renfermant les objets de parure du style d'incrustations danubien de l'époque d'Atilla ne sont pas diffusées dans les régions éloignées à l'est de la Volga et se localisent en Europe. L'étude des boucles de ceinture des types propres à l'Europe orientale permet de constater qu'en Sibérie méridionale au VIIe siècle, à l'époque du Premier Kaganat turc, existaient de nombreuses cultures locales: celles de Tachtyk et, de Chourmak, celles du cours supérieur de l'Obi (étape de transition) et de Bérel (à l'Altaï). Les sépultures célèbres des cavaliers

turcs enterrées avec leurs montures, les statues en pierre et les inscriptions runiques turques apparurent à la limite du VIIIe siècle, à l'époque du Second Kaganat türk. Dans les cultures antérieures elles n'étaient pas présentées. A cette période sont surtout caractéristiques les ceinturons aux plaques de formes géométriques ayant, dans leurs parties inférieures, des fentes en vue d'y introduire des courroies où étaient suspendus des sabres et des sacoches. Ces ceinturons ne comportaient pas de petites bandes étroites de cuir pendantes qui avaient une destination décorative. La seconde moitié du VIIIe — première moitié du IXe siècle se caractérisent par l'apparition de petites bandes de cuir précitées accrochées aux plaques de ceinturon fenestrées. Les plaques tardives sont souvent chargées d'ornements. C'est à cette dernière époque qu'il est à reporter également la majeure partie de sépultures dites « anciennes turques » découvertes en Sibérie (entre autres les tombeaux riches de Kopiony et de Kouraï aux vases portant des inscriptions). La chronologie des Turcs de la Sibérie et des Avars du Danube est en bonne corrélation avec l'évolution des étriers. Les étriers de l'Extrême-Orient rattachés aux V—VIes siècles sont de forme ovale avec un œil dans le bout supérieur d'une lame haute et étroite. Les étriers dits « avars anciens » sont typologiquement postérieurs à ceux du monument de T'ai-tsōung (de l'an 637) et se rapportent à la seconde moitié du VIIe siècle; les étriers de Sibérie — au VIIIe siècle et aux temps plus tardifs. Les images des armes et des étriers et une pièce de monnaie provenant de Bidian trouvée dans une substruction donnent lieu à croire que les fresques fameuses de Varakhcha, d'Afrassiab et de Pendjikente sont créées au début — premier quart du VIIIe siècle.